РУССКІЕ — ГЕРОЯМЪ СЕРБІИ и ЧЕРНОГОРІИ

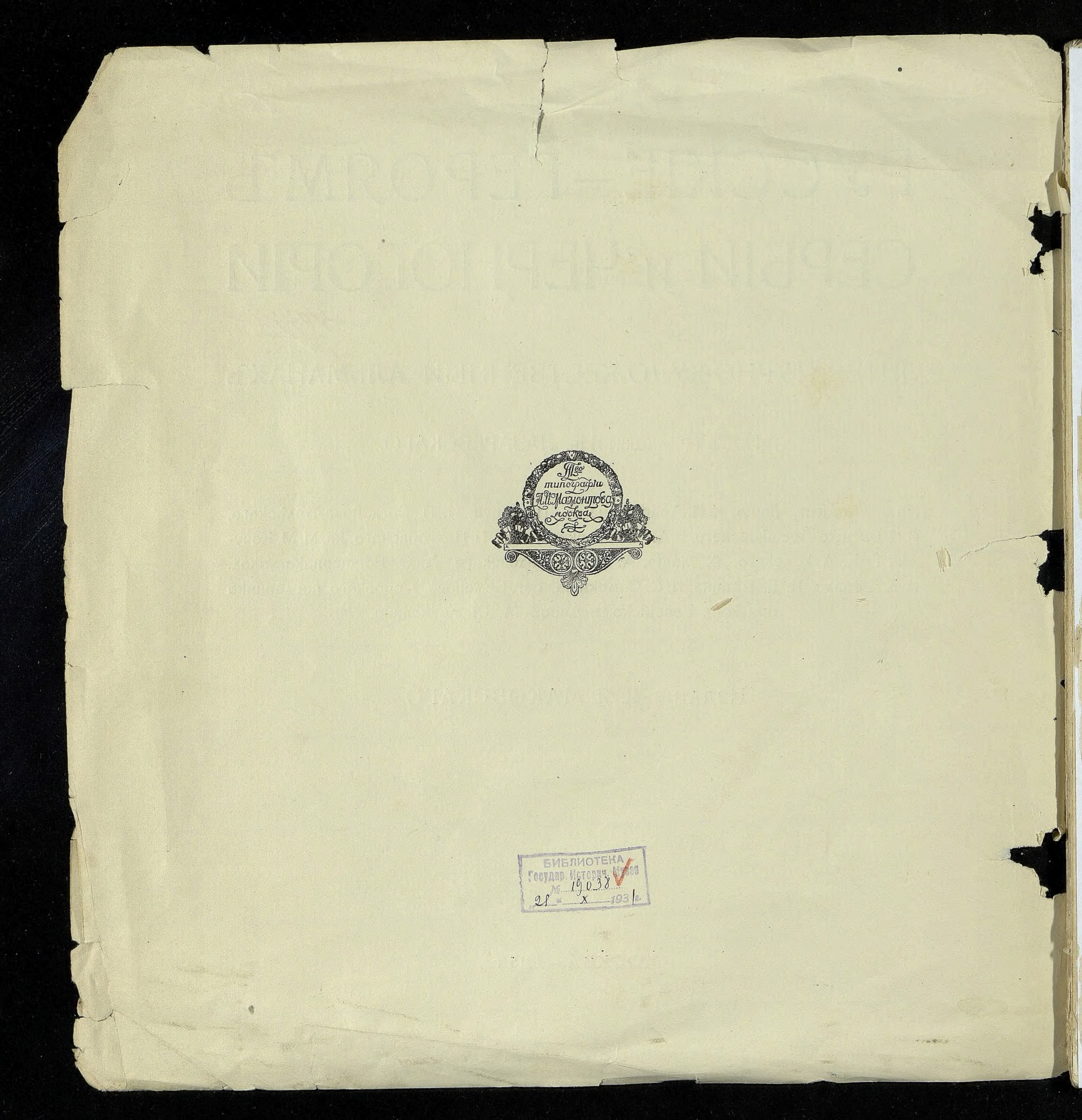
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХЪ

Подъ редакцiей Ив. ЛАЗАРЕВСКАГО.

При участіи: проф. К. И. Арабажина, А. Н. Бенуа, Н. П. Богданова-Бѣльскаго, Н. Н. Брешко-Брешковскаго, В. А. Гиляровскаго, акад. Н. П. Дубовскаго, кн. М. М. Кочубея, Г. К. Лукомскаго, В. Матэ, А. М. Оссендовскаго, Л. О. Пастернака, акад. Н. К. Рериха, И. Е. Рѣпина, Н. С. Самокиша, Евг. Семенова, Сербскаго посланника при Имп. Россiйскомъ Дворѣ М. Спалайковича.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО.

МОСКВА — 1915 г.

Т-во
типографіи
А. И. Мамонтова
Москва

Король Сербіи ПЕТРЪ I.

Король Черногорiи НИКОЛАЙ I.

БОЖЬЯ ПРАВДА.

Статья Сербскаго посланника при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ М. Спалайковича.

„Зло рађење готово суђење“
(Злое дѣло готовое наказаніе).

„Правда држи земље и градове“
(Справедливостью держатся земли и города).

„Што е право и богу е драго“
(Что справедливо—богу мило).

Сербскія народныя пословицы.

Кто желаетъ проникнуть въ душу какого-либо народа, узнать его психологію, его міросозерцаніе, тотъ долженъ, прежде всего, изучить пословицы народа. Въ пословицахъ выражена его мудрость и народная философія. Сербскій народъ очень богатъ афоризмами и изрѣченіями. Есть много сборниковъ сербскихъ народныхъ пословицъ, въ которыхъ выражены абстрактныя понятія сербскаго народа. Въ вѣковой борьбѣ, въ мученіяхъ и страданіяхъ, сербы кристаллизировали свои воззрѣнія на всѣ явленія жизни и на проблемы, въ разрѣшеніи которыхъ нуждался народный умъ.

Во всѣхъ сербскихъ пословицахъ выражается самая глубокая вѣра въ Бога и въ Его незыблемые законы. Сербскій народъ какъ въ минутахъ самой большой радости, такъ и въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ искалъ и находилъ связь между проявленіями высшей воли и своей судьбой, искалъ и находилъ связь между Богомъ и собою.

Богъ и справедливость, по его воззрѣніямъ, неразлучны,—они даже тожественны. Большая часть сербскихъ пословицъ говоритъ о правѣ и справедливости. Это вполнѣ естественно, ибо это фундаменты, на которыхъ построена соціальная жизнь, и на которыхъ зиждется

цивилизація. Если бы уничтожить справедливость, были бы уничтожены государство, общество и человѣчество. Кто дѣйствуетъ противъ справедливости, тотъ нарушаетъ высшій Божій законъ. Въ этомъ сербъ убѣжденъ, какъ онъ убѣжденъ въ томъ, что нельзя уничтожить справедливость. Она сильнѣе всѣхъ и каждаго, потому что за ней стоитъ самъ Богъ, или еще лучше, что она и Богъ — одно и то же.

Мало того, сербскій народъ убѣжденъ, что каждый дерзающій идти противъ высшей воли и покушающійся нарушить справедливость, долженъ быть наказанъ и самъ будетъ уничтоженъ. Измѣнить неизмѣнимое, передвинуть недвижимое, уничтожить вѣчное — можетъ захотѣть лишь помутившійся умъ. Это противорѣчитъ и обыкновенному здравому смыслу, а тѣмъ паче, высшему Божескому разуму.

Какъ мы посмотрѣли бы на безумца, который старался бы собственными силами задержать поѣздъ, мчавшійся на всѣхъ парахъ. Безумецъ получитъ должное: онъ будетъ смятъ, какъ каждый, кто осмѣливается задерживать или мѣнять ходъ Божьей правды. И въ одномъ и въ другомъ случаяхъ народъ говоритъ: безумца постигло наказаніе. Народъ правъ, ибо наказаніе не что иное, какъ послѣдствіе предшествующихъ поступковъ, противорѣчащихъ всякому здравому смыслу. Въ основаніи народнаго теизма, какъ и въ основаніи научнаго детерминизма, существуетъ законъ послѣдовательности. Вотъ почему сербскій народъ съ основаніемъ говоритъ: Злое дѣло — готовое наказаніе.

Промежутокъ времени между причиною и послѣдствіемъ, между преступленіемъ и наказаніемъ, очень часто бываетъ весьма непродолжительнымъ, въ особенности въ простыхъ явленіяхъ, такъ что послѣдовательность можно сразу опредѣлить. Но и тогда, когда этого не бываетъ, — какъ это большею частью случается въ сложныхъ явленіяхъ, — вѣра сербскаго народа никогда не колеблется. Со времени гибели сербскаго царства до полнаго разгрома Турецкой имперіи прошло цѣлыхъ пять столѣтій. Однако, сербскій народъ крѣпко вѣрилъ, что наступитъ день расплаты за Коссово, и 2 года тому назадъ, у Куманова, Битоля и Адріанополя, сербскій народъ дождался этого. Въ Коссовскомъ сраженіи 1389 г. исламизмъ нанесъ тяжелый ударъ не только сербскому народу, но и всему христіанскому міру.

Въ теченіе 500 лѣтъ турки безбожно разрушали сербскіе святыни и храмы и уничтожали сербскій народъ, но сербъ ни на минуту не терялъ надежды на Бога и Его справедливость. Своими насиліями и несправедливостью турки лишь подрывали основы своихъ силъ. Турецкое царство разрушалось подобно стѣнѣ, въ основѣ которой не заложены прочные камни. Такъ должно было быть, ибо таковъ законъ Бога.

Сербскій народъ опредѣлилъ этотъ законъ въ пословицѣ: «Справедливостью держатся земли и города». Въ теченіе послѣднихъ 100 лѣтъ къ турецкимъ насиліямъ надъ сербскимъ народомъ присоединилась и Австрія. Она даже превзошла Турцію въ этомъ, ибо, — въ то время какъ турецкая система заключалась въ

Н. К. РЕРИХЪ. — Короны.

физическихъ насиліяхъ,—австрійцы пользовались системою нравственныхъ давленій, терзать душу и національное сознаніе сербскаго народа, въ особенности же съ того времени, когда подъ тяжелое ихъ иго подпали сербскія земли — Далмація, Боснія и Герцеговина, въ которыхъ пропаганда іезуитовъ дѣлала въ послѣднія 40 лѣтъ все возможное, чтобы похоронить сербское православіе.

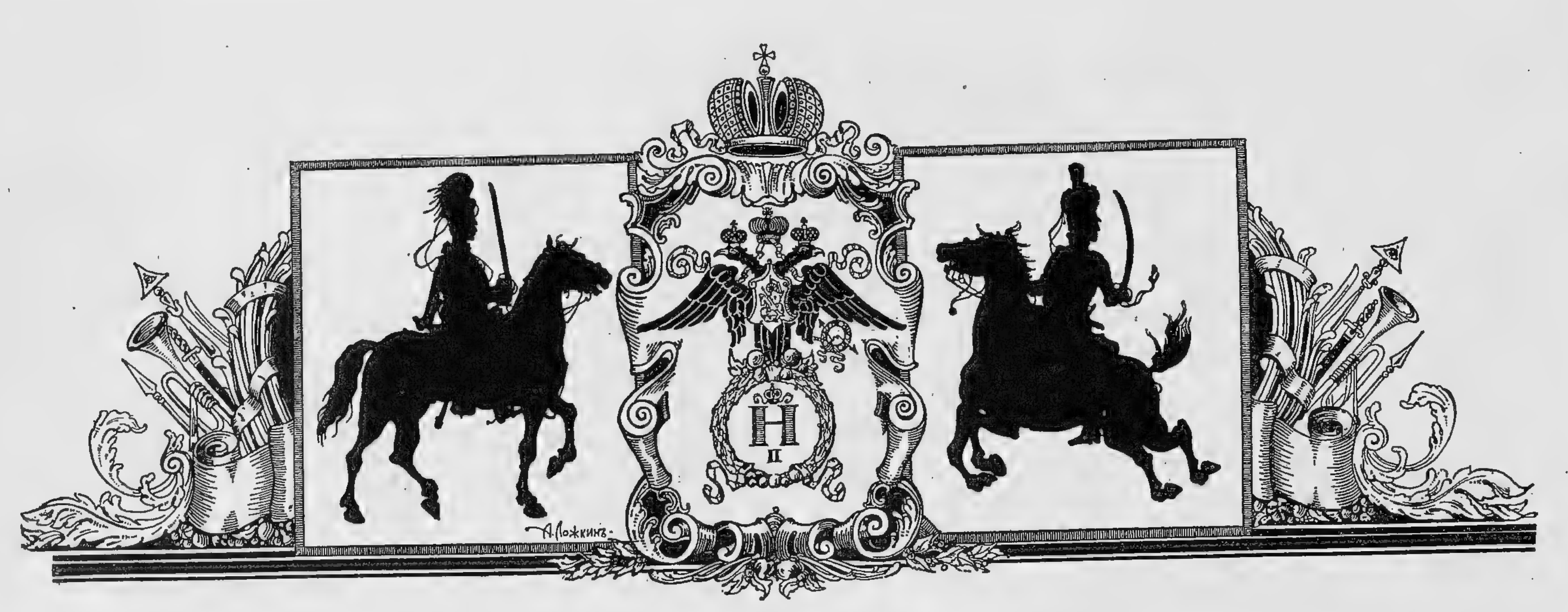
Но всѣ эти беззаконія и насилія, такъ же, какъ и прежде въ Турціи, все болѣе и болѣе потрясали непрочное зданіе Габсбургской монархіи. Сербскій народъ нетерпѣливо ожидалъ момента, когда, послѣ разрушенія Турціи, наступитъ развалъ австрійскій.

Сербскій народъ отмѣтилъ высшій законъ, когда пришелъ къ убѣжденію, что Божья правда — самая главная основа государственной и общественной организаціи. Австро-Венгрія давно уже нарушила этотъ законъ, за что теперь и расплачивается. За послѣднія 100 лѣтъ она такъ много зла надѣлала сербскому народу, что теперь каждый сербъ въ переживаемыхъ нынѣ событіяхъ видитъ волю Божію. Больше чѣмъ когда-либо сербъ теперь вѣритъ въ правду Божью, которая для него—высшая дѣйствительность. Что значатъ года и столѣтія для этой Божьей правды! Сербъ это глубоко сознавалъ, но теперь онъ и видитъ, что есть злодѣяніе, наказаніе котораго и Богъ не откладываетъ. Дѣйствительно, есть нѣчто роковое въ нынѣшнихъ историческихъ событіяхъ. Никому сербскій народъ не сдѣлалъ столько добра, сколько теперешнему вѣнскому императору. Никто сербскому народу не сдѣлалъ столько зла, сколько этотъ императоръ. И въ моментъ, когда черный австрійскій хищникъ-орелъ устремился совершить послѣдній актъ свирѣпости надъ сербскимъ очагомъ, сербскій бѣлый орленокъ ударилъ своимъ клювомъ въ его сердце и острыми своими когтями вырвалъ перья съ двухъ его головъ. Самъ Богъ захотѣлъ наказать насильника. Францу-Іосифу было суждено дождаться гибели своего царства и тяжелѣе всего почувствовать сербскій ударъ. Справедливость имѣетъ свою иронію. Послѣ гордой самоувѣренности, выраженной въ ультиматившой нотѣ, послѣ снаряженія карательной экспедиціи, Австро-Венгрія, несмотря на ея силу, на многочисленность ея орудій, мортиръ и пулеметовъ, съ которыми она обрушилась на маленькую изнуренную Сербію,—потерпѣла отъ горсти сербовъ такое пораженіе, которое показало, что передъ Божьей правдой не можетъ устоять матеріальная сила.

Всѣ мы убѣждены въ справедливости нашего дѣла, и всѣ мы глубоко вѣримъ, что поэтому и Богъ за насъ, и что мы должны побѣдить въ борьбѣ справедливости противъ несправедливости, нравственности — противъ безнравственности, цивилизаціи—противъ варварства.

Мы всѣ вѣримъ и надѣемся на Бога и Его правду, какъ высшую силу, враги же наши всѣ надежды возлагаютъ на 42-сантиметровыя мортиры. Разгромъ австрійцевъ въ Сербіи показалъ, у кого истинная вѣра.

М. И. Спалайковичъ

ФРАНЦУЗСКІЯ ЖЕНЩИНЫ И ВОЙНА.

Статья Евг. Семенова.

А. М. Оссендовскій въ своей статьѣ, помѣщенной въ прекрасномъ альбомѣ «Великая Война», трогательно охарактеризовалъ традиціонную чудную роль русской женщины во время войны и въ красивыхъ выраженіяхъ напомнилъ извѣстные женскіе образы, которые легенда, исторія и литература запечатлѣли въ сердцѣ каждаго русскаго грамотнаго человѣка.

Мнѣ особенно пріятно поставить рядомъ съ русской женщиной женщину нашей славной и дорогой союзницы Франціи, родины Жанны д'Аркъ, Гашеттъ, Роланъ, Шарлотты Кордэ и многихъ другихъ благородныхъ фигуръ, сіяющихъ своею красотою въ міровомъ женскомъ Пантеонѣ. Мнѣ это особенно пріятно еще и потому, что нынѣшняя французская женщина оказалась на высотѣ своей репутаціи. Мать, жена, сестра, невѣста, дочь, сестра милосердія— французская женщина во всѣхъ роляхъ и на всѣхъ поприщахъ съ беззавѣтной преданностью и непоказной, неподдѣльной скромностью дѣлаетъ, какъ и ея русская сестра, свое великое дѣло служенія родинѣ, служенія арміи, сражающейся за свободу Франціи, за сохраненіе роднаго очага, родной семьи...

Во французскихъ, англійскихъ и русскихъ газетахъ и журналахъ печатаются факты и эпизоды изъ этой дѣятельности французскихъ женщинъ.

Получаемыя мною письма только иллюстрируютъ то общее положеніе, на фонѣ котораго выступаетъ прекрасный образъ соотечественницъ Анатоля Франса, Мориса Барреса, Реймона Пуанкаре, Жоффра и Мориса Палеолога.

Вотъ, напримѣръ, что мнѣ, между прочимъ, пишетъ вдова великаго Зола:

«Я вполнѣ понимаю, какъ должны страдать современные гуманисты отъ этой гнусной войны, которой конца, къ сожалѣнію, еще не видно: то, что продѣлываетъ врагъ, такъ безобразно, что, мнѣ

И. Е. РѢПИНЪ. — Записки сумасшедшаго.

„Поприщин"

„Зап. сум." Гоголя

кажется, дикари — и тѣ неспособны на такія гнусности...

Я передамъ вашъ поклонъ нашему милому Дюре (престарѣлый историкъ Теодоръ Дюре, старый другъ семьи Зола), который совершенно ошеломленъ всѣмъ тѣмъ, что произошло. Какъ вы знаете, у него были большія научныя и художественныя связи въ Германіи, и онъ— вы помните—никогда не допускалъ подобнаго нападенія на насъ со стороны нѣмцевъ и сердился, когда мы утверждали, что Германія воспользуется для этого первымъ удобнымъ случаемъ...

Да, дорогой другъ, мы съ увѣренностью ждемъ пробужденія отъ этого кошмара, который душитъ насъ денно и нощно.

Населеніе великолѣпно въ своей терпѣливой простотѣ. Всѣ помогаютъ другъ другу — организуя помощь нашимъ солдатамъ, нашимъ раненымъ. Деньги притекаютъ отовсюду, изъ всѣхъ кармановъ, для всякихъ безчисленныхъ, вызванныхъ войною, учрежденій.

Надо переждать съ мужествомъ и стоицизмомъ эти событія, которыя насъ приведутъ къ побѣдѣ; надо бороться до конца...

Всегда искренно вамъ преданная

Александринъ—Эмиль Зола».

Я привелъ интересныя мѣста изъ письма благородной престарѣлой французской женщины, которая, впрочемъ, какъ и молодыя и вмѣстѣ съ ними, дѣлаетъ все возможное, чтобы обезпечить уютъ, тепло, лѣченіе и отдыхъ защитникамъ родины.

Я могъ бы привести и много другихъ примѣровъ и иллюстрацій того положенія, которое я высказалъ въ началѣ этихъ бѣглыхъ строкъ. Но это было бы, мнѣ кажется, излишне и значило бы только— ломиться въ открытую дверь.

Я поэтому ограничусь только указаніемъ на одно прекрасное дѣло, которое на-дняхъ создали французскія женщины во главѣ съ хозяйкой извѣстнаго парижскаго салона, г-жею А. Менаръ-Доріанъ.

Подобно тому, какъ въ другую тяжелую годину г-жи Менаръ-Доріанъ, Зола и Психари-Ренанъ (дочь Ренана) создали «Общество Друзей Русскаго Народа», такъ и сейчасъ г-жа Менаръ-Доріанъ вмѣстѣ съ другими французскими женщинами (г-жа Жюльетта Аданъ, Викторъ Бераръ, Огюстъ Бонна, Поль Буайе и др.) создали Комитетъ помощи сербскому народу.

Госпожа Менаръ-Доріанъ въ прекрасномъ письмѣ меня извѣщаетъ объ основаніи Комитета «За Сербію, за Францію, за Человѣчество» и прилагаетъ при немъ воззваніе, которое появится во всѣхъ французскихъ газетахъ. Вотъ это замѣчательное воззваніе, которое дѣлаетъ одинаково честь братской и союзной намъ героической Сербіи, сколько и славнымъ доблестнымъ женщинамъ дорогой и союзной намъ Франціи:

«Господинъ редакторъ, нѣсколько француженокъ, подписи которыхъ вы найдете ниже, полагаютъ, что онѣ являются выразительницами чувствъ всѣхъ французскихъ женъ и матерей, высказывая желаніе, чтобы наша нація воздала полную справедливость героизму сербовъ и оцѣнила еще болѣе высокой степени, чѣмъ это было до сихъ поръ, величіе услугъ, оказанныхъ ихъ побѣдами дѣлу союзниковъ, правамъ націй и свободѣ народовъ. Онѣ особенно желаютъ, чтобы ради воспитанія

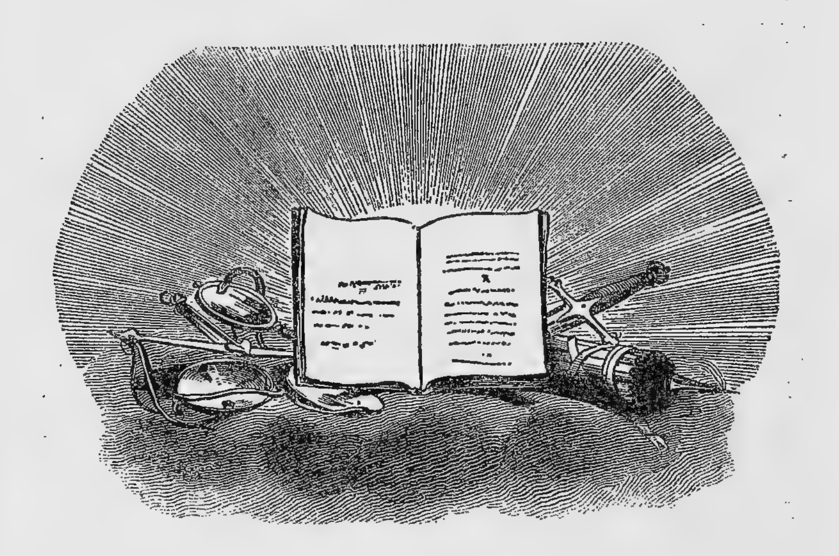
патріотическаго и гражданскаго чувства въ подрастающихъ поколѣніяхъ дѣтямъ указывали удивительный примѣръ этой арміи мужиковъ, въ лохмотьяхъ, чуть не босикомъ сражавшихся противъ силъ цѣлой имперіи: всѣ французы должны знать, что въ дни Ядара, Рудника и Бѣлграда, какъ нѣкогда въ дни Мараѳона и Платеи, или какъ въ день Маргартена, маленькій народъ гражданъ бросался на вражескія копья, чтобы спасти вмѣстѣ со своей національной независимостью будущность человѣческой свободы.

Сербское правительство и нація вотъ уже больше шести мѣсяцевъ выдерживаютъ страшную войну, послѣдовавшую за двумя годами другихъ тяжелыхъ войнъ, стоившихъ имъ столько усилій, крови и денегъ. Являясь уже побѣдителями у себя, они просятъ только у союзниковъ оружія и снарядовъ, чтобы продолжать войну до общей побѣды.

Но ни народъ сербскій, ни его правительство не говорятъ Европѣ о страшныхъ лишеніяхъ всей страны, о бѣдствіяхъ, испытываемыхъ ранеными, о нищетѣ солдатъ. Только дипломаты и путешественники французскіе, русскіе и англійскіе въ письмахъ своихъ взываютъ о состраданіи къ сербскимъ женщинамъ, дѣтямъ, старикамъ, умирающимъ. Россія и Англія уже отозвались на это; Соединенные Штаты послали свой Красный Крестъ. Франція, какъ правительство, исполнило свой долгъ. Но не пришло ли время исполнить свой и французскому обществу? Не думаете ли вы, что національная подписка «На Сербію» должна была бы открыться во всѣхъ нашихъ газетахъ, чтобы можно было испросить и использовать даже самыя маленькія благотворительныя приношенія? Сложившись изъ безчисленныхъ малыхъ долей, помощь наша тѣмъ лучше дастъ понять сербамъ и благородному королю ихъ Петру, который, выйдя изъ Сенъ-Сирской школы, сражался въ нашихъ рядахъ въ 1870 году и подъ нѣмецкими пулями переправился черезъ Луару, какъ весь французскій народъ ихъ любитъ, имъ удивляется и какъ онъ имъ благодаренъ».

Мнѣ кажется, что къ этому новому проявленію доблести и благородству французской женщины прибавить нечего.

Е. Семеновъ

ТОРЖЕСТВО ДУХА.

Статья князя М. Кочубея.

Сто лѣтъ послѣ того, какъ наполеоновская эпопея завершилась на снѣжныхъ поляхъ Россіи полнымъ разгромомъ вражескаго нашествія, какъ русскій народъ въ порывѣ героическаго подъема ознаменовалъ торжество духа надъ военнымъ искусствомъ величайшаго въ исторіи полководца, — на землѣ разразилась міровая борьба. Она поставила лицомъ къ лицу, съ одной стороны, военное искусство и огромныя техническія приспособленія германскаго милитаризма, съ другой — беззавѣтное самопожертвованіе славянства, стремящагося къ освобожденію. — Кто побѣдитъ?

Въ началѣ борьбы всѣ тѣ, кто ждали съ алчнымъ нетерпѣніемъ раздѣла добычи побѣжденнаго, подсчитывали корпуса, дивизіи, батальоны, эскадроны и батареи противниковъ, приводили состояніе ихъ укрѣпленій, путей сообщенія и запасовъ. Въ глазахъ этихъ поклонниковъ «реальности» побѣда исключительно обусловливалась превосходствомъ числа и техники.

Но событія развились ускореннымъ темпомъ, — германцы, пренебрегая священными правами слабыхъ, вторглись въ Бельгію. Передъ тѣмъ, какъ приступить къ разоренію нейтральной державы, императоръ Вильгельмъ предупредилъ бельгійскаго короля въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Если ты не пропустить добровольно моихъ войскъ, я разорю твою страну». – Король Альбертъ отвѣтилъ: «Жаль, что короли не могутъ сражаться въ качествѣ простыхъ солдатъ, ибо моя первая пуля была бы для тебя».

Германцы разорили Бельгію, они превратили ея цвѣтущіе города въ груду развалинъ, они ограбили и сожгли сокровища науки и искусства. Но король Альбертъ осуществилъ свое желаніе: онъ взялся за оружіе и во главѣ кучки бельгійскихъ героевъ доказалъ міру, что духъ можетъ торжествовать надъ грубой силой. Дѣйствительно, бельгійская нація изнываетъ въ желѣзныхъ тискахъ германцевъ, но король-рыцарь все еще во главѣ ея безстрашнаго войска, и народы въ почтительномъ восхищеніи шлютъ къ нему своихъ пословъ.

Престарѣлый Францъ-Іосифъ, возсѣдающій съ лишкомъ полвѣка на престолѣ Габсбурговъ, увлекся подвигами Вильгельма Гогенцоллерна, положившаго полмилліона своихъ солдатъ для сокрушенія маленькаго, но славнаго народа. Той же самой рукой, которой онъ нѣкогда вѣроломно подписывалъ смертный приговоръ надъ венгерскими магнатами, довѣрившимися его монаршему слову, онъ двинулъ противъ Сербіи разношерстные полки своей арміи.

Съ лишкомъ 400.000 штыковъ и сабель сосредоточились передъ открытой сто-

лицей Сербіи. Началась жестокая бомбардировка, не щадившая ни женщинъ, ни дѣтей, ни даже раненыхъ. «Кофейные» офицеры,—такъ ихъ назвали германцы,—ликовали въ позорномъ приступѣ радости. Подъ бризантными и фугасными снарядами беззащитный Бѣлградъ, словно бѣлый лебедь славянской былины, сложившій свои крылья передъ тѣмъ какъ умереть,—камень за камнемъ погружался въ тотъ самый Дунай, что въ старину воспѣвали предки.

Но дряхлому Габсбургу, мечтавшему лишній разъ окунуться въ славянскую кровь, передъ тѣмъ какъ опуститься въ могилу,—не удалось сломить сопротивленія Сербіи.—Съ малаго до великаго, «стальной щетиною сверкая, возстала сербская земля».

* * *

Тогда произошло нѣчто безподобное,—сербское войско, изнуренное безчисленными переходами и сраженіями, нуждаясь въ снарядахъ, съ изношенными отъ безпрестанной стрѣльбы орудіями, разбило наголову мудро-оборудованныхъ, тщательно обученныхъ австрійцевъ. Они бѣжали въ паническомъ страхѣ, бросая по дорогамъ и горнымъ тропинкамъ Сербіи орудія, снаряды, даже знамена. Вскорѣ «карательная экспедиція», снаряженная противъ Сербіи Францемъ-Іосифомъ, превратилась въ нестройную толпу бѣглецовъ.

Вѣсть о полномъ разгромѣ австрійскихъ силъ ввергла Вѣну и Берлинъ въ глубокое недоумѣніе. Тамъ, передъ выступленіемъ австрійцевъ противъ Сербіи, все было подробно разсчитано: количество и родъ войскъ, ихъ вооруженіе, снаряженіе и обозъ. Австрійскій главный штабъ, совмѣстно съ германскимъ, все тщательно обсудилъ, заранѣе опредѣливъ мельчайшія обстоятельства. На основаніи такихъ точныхъ тактическихъ и стратегическихъ данныхъ—побѣда была обезпечена.

Что же случилось, что вызвало крушеніе плана, составленнаго испытанными спеціалистами по всѣмъ правиламъ военнаго искусства?—А случилось то, что духъ славянскій восторжествовалъ надъ «реальными» расчетами германскаго милитаризма, что дисциплина и строгая организація разбились о нравственный подъемъ благороднаго народа, защищающаго съ оружіемъ въ рукахъ свою независимость и очагъ своихъ предковъ. Подобнаго исхода австро-германцы никакъ не ожидали,—онъ ихъ засталъ врасплохъ. Однако, не они ли провозглашали, что армія «вооруженной націи»—дочь народа, что каковъ народъ, такова его армія.

На сербскомъ театрѣ судьба противопоставила два боевыхъ фактора, съ одной стороны—совокупная сила организаціи, дисциплины и техники, съ другой—отвага, не знающая ни страха ни препятствій, поддержанная патріотизмомъ, слившимъ въ одну цѣлую несокрушимую мощь весь сербскій народъ. Второй факторъ побѣдилъ не только на славу славянской расы, но и во имя гуманныхъ идеаловъ культурнаго человѣчества.

«Не намъ, а имени Твоему».

Кн. Щербатов

А. Н. БЕНУА. — На Малой Невкѣ.

А. Бенуа.

ЗАВѢТНАЯ МЕЧТА.

(«Крестъ на св. Софіи»).

Проф. К. И. Арабажина.

Взоры всего міра устремлены на Константинополь и Дарданеллы. Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, англо-французская эскадра при участіи и одного русскаго военнаго судна громитъ укрѣпленія у входа въ Дарданеллы и медленно, но побѣдоносно подвигается впередъ. Турецкій султанъ подумываетъ о переѣздѣ въ М. Азію, мебель его дворцовъ спѣшно укладывается и упаковывается для своевременной отправки за предѣлы Европы...

Сердце сжимается тоской и надеждой въ неясномъ предчувствіи надвигающихся событій. Что будетъ съ Константинополемъ? Кому достанется онъ вмѣстѣ съ ключами отъ Босфора и Дарданеллъ? Будетъ ли Черное море открыто для торговыхъ и военныхъ судовъ всего міра или крѣпкимъ затворомъ, находящимся въ нашихъ рукахъ, навсегда будутъ ограждены приморскіе берега нашего юга отъ нежданныхъ гостей, способныхъ за толстыми стальными бронями сверхъ-дредноутовъ грозить намъ тринадцати дюймовыми чудовищами.

Держать ли Россіи на Черномъ морѣ огромный военный флотъ, расходы на который будутъ расти ежегодно десятками и сотнями милліоновъ, или сравнительно ничтожный рядъ укрѣпленій въ Босфорѣ навсегда освободитъ насъ отъ тяжелыхъ расходовъ и вѣчно грозящей

опасности для болѣе, чѣмъ 2.500 верстъ нашей береговой линіи.

Изъ всѣхъ итоговъ побѣдоносной войны— самый реальный, самый плодотворный результатъ побѣды нашего оружія, нашихъ безпредѣльныхъ жертвъ—заключался бы, конечно, въ возможности обезопасить берега Чернаго моря ключами отъ Босфора и Дарданеллъ. Наша торговля получила бы свободный и безпрепятственный выходъ въ открытыя моря. Наши морскіе расходы могли бы значительно сократиться въ пользу болѣе производительныхъ и столь многочисленныхъ нуждъ страны. Реальные интересы Россіи нашли бы себѣ удовлетвореніе одновременно съ идейными потребностями великаго народа, давно исторически опредѣлившимися и выразившимися въ завѣтной мечтѣ о «щитѣ на вратахъ Цареграда»,—«Крестѣ на Св. Софіи»...

Осуществится ли эта мечта? Вотъ тревожный вопросъ, отъ котораго сжимается тоскою опасеній всякое русское сердце—и идеалиста, и практика въ вопросахъ внѣшней политики.

Въ этомъ смыслѣ настроенія Государственной Думы въ дни ея второго созыва совершенно опредѣленно вылились въ рѣчахъ лидеровъ политическихъ фракцій и министровъ, и нашли свои многочисленные отголоски въ газетныхъ статьяхъ, въ публичныхъ лекціяхъ и рѣчахъ общественныхъ дѣятелей, писателей и ученыхъ.

Рѣчь г. Милюкова вполнѣ совпадала съ рѣчами крайнихъ правыхъ, и г. Пуришкевичъ горячо привѣтствовалъ патріотизмъ лидера партіи «народной свободы».

Константинополь долженъ быть нашимъ. Ключи отъ Босфора должны быть въ нашихъ рукахъ. Историческія нужды русскаго народа требуютъ этого. Константинополь не можетъ остаться турецкимъ. Не отдавать же его грекамъ и болгарамъ. Только Россія имѣетъ нравственное право, вынуждена исторически сложившимися обстоятельствами къ тому, чтобы овладѣть навсегда Константинополемъ.

Черное море—русское море. Скромныя претензіи болгаръ и румынъ о безпрепятственномъ выходѣ ихъ судовъ въ открытыя моря могутъ быть легко и полностью удовлетворены, но проливы должны быть наши...

Но для того, чтобы они должны были быть наши, не должны ли мы именно и завоевать ихъ? Возможно ли получить изъ рукъ союзниковъ то, что будетъ обагрено ихъ кровью и пріобрѣтено доблестью ихъ армій и ихъ жертвами?

На этотъ вопросъ нѣтъ еще удовлетворяющаго насъ отвѣта. Но онъ долженъ быть данъ.

Мы знаемъ, что обычно военная добыча принадлежитъ завоевателю. Мы знаемъ, что и англичане никогда не упускали изъ своихъ рукъ того, что разъ имъ досталось.

Мы знаемъ и многое другое... Россія не разъ отказывалась отъ купленныхъ кровью пріобрѣтеній въ пользу другихъ. Побѣдоносная Русско-Турецкая война ничего не принесла намъ, кромѣ униженій. Она дала свободу Болгаріи, закрѣпила самостоятельность Сербіи, она увеличила территорію Австро-Венгріи, она усилила вліяніе Германіи на Востокѣ, она дала одному

Н. П. БОГДАНОВЪ-БѢЛЬСКІЙ. — Грамотеи.

нѣмецкому принцу положеніе владѣтельнаго государя и повелителя многихъ милліоновъ славянскаго народа, близкаго намъ по культурѣ и старымъ историческимъ связямъ,—но не принесла намъ ничего, кромѣ горькихъ униженій и тяжелаго разочарованія.

Да не будетъ такъ теперь!

Собственно вся нынѣшняя война съ ея великими жертвами, быть-можетъ, исчерпается для насъ пріобрѣтеніемъ ключей отъ проливовъ и восточной Галиціи, пріобщеніе которой къ общерусскому стволу является актомъ національной потребности объединенія русскихъ племенъ,— чисто идеалистическаго характера. Въ бюджетѣ Австро-Венгріи Галиція всегда выдѣлялась громаднымъ преобладаніемъ пассива надъ активомъ. Бѣдная страна никогда не оправдывала государственныхъ расходовъ, падавшихъ на нее изъ общегосударственнаго бюджета. Не оправдаетъ она себя и подъ русскимъ владычествомъ. Что касается завоеванія и объединенія Польши или созданія Великой автономной Арменіи, то, при всей симпатичности этихъ задачъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія, нельзя не сознаться, что, съ русской государственной точки зрѣнія, такія задачи не будутъ для русскаго народа имѣть большее принципіальное и практическое значеніе, чѣмъ автономія, въ свое время автономія Восточной Румеліи и самостоятельная Болгарія. Возникновеніе самостоятельной Польши необходимо — по свидѣтельству поляковъ, — «въ интересахъ европейскаго равновѣсія» *). То-есть, иначе сказать, автономная Польша, территоріально увеличивая Россію, въ другихъ отношеніяхъ, т.-е. своей автономіей, должна уменьшать ея могущество и тѣмъ содѣйствовать равновѣсію европейскихъ силъ и ослаблять къ намъ зависть европейскихъ народовъ и опасенія роста нашего могущества. Автономная Арменія, даже если допустить, что она не явится оттяжкой симпатій армянскаго населенія Кавказа,— все же явится актомъ безкорыстнаго великодушія и гуманности русскаго народа, готоваго проливать свою кровь и нести тяжелые матеріальные расходы за чужую свободу, за интересы угнетенныхъ народовъ.

Только Константинополь и проливы являются такимъ осязательнымъ результатомъ войны, въ которомъ воплотятся и реальныя и идеальныя стремленія русскаго народа...

*) Чит. „Вѣстн. Евр.“ 1915. I, ст. Залевскаго.

II.

Вопросъ о Константинополѣ и проливахъ имѣетъ свою исторію и обширную литературу, въ которой сгруппированы доводы за и противъ владѣнія Константинополемъ, какъ строго реалистическаго характера, такъ и идеалистическаго.

Нельзя скрывать отъ себя, что доводы идеалистическаго характера, столь манящія на югъ политиковъ-романтиковъ по преимуществу славянофильскаго и неославянофильскаго типа, не отличаются особенной серьезностью и убѣдительностью постольку, поскольку они не являются красивой идеологической надстройкой, своего рода цвѣтами поэзіи и краснорѣчія надъ болѣе глубокими и чисто практи-

ческими основаніями, быть-можетъ, только стихійными, а не осознанными.

Кн. Трубецкой въ своей лекціи связываетъ мечты о крестѣ на Св. Софіи съ своеобразной идеологіей «святости» нашей политики.

Софія — премудрость, божественная премудрость, — такая премудрость доступна только истинной праведности и святости. Святость можетъ проявить только тотъ народъ, который покается въ своихъ грѣхахъ и праведнымъ поведеніемъ, отказомъ отъ грѣховнаго искупить свои прошлые грѣхи. Такимъ грѣхомъ было уничтоженіе Польши. Этотъ грѣхъ русскій народъ долженъ искупить освобожденіемъ Польши; праведностью и святостью покаянія будетъ завоевана и закрѣплена за нами Св. Софія — воплощеніе божественной премудрости и святости...

Въ такой идеологіи все недоказуемо, все неясно, туманно, мистично.

Почему раздѣлъ Польши—грѣхъ? Въ политикѣ бываютъ только ошибки. Но если повѣрить въ идею грѣха и Провидѣнія, то нужно выяснить и доказать, что самый раздѣлъ Польши не былъ карой ея за ея историческіе грѣхи, хотя бы въ отношеніи къ угнетаемымъ ею народомъ! И тогда раздѣлившіе Польшу, быть-можетъ, были орудіемъ Провидѣнія и не должны искупать своего поступка («грѣха»). Съ другой стороны, часто укрѣпляются на новой территоріи (хотя бы, напр., сейчасъ въ Бельгіи) не столько святостью, сколько сорока-двухъ-сантиметровыми пушками; закрѣпляются связи прочными экономическими и торговыми интересами, выгодами гражданскаго уклада жизни.

Наша жизнь далека отъ святости, а Кавказъ за послѣднія 20 лѣтъ, несомнѣнно, закрѣпленъ за Россіей рядомъ экономическихъ и гражданскихъ преимуществъ и выгодъ связи именно съ Россіей, а не съ Турціей или Персіей.

Не болѣе реальна точка зрѣнія старыхъ идеалистовъ. Россія, — думаетъ Достоевскій,—одна носительница идеи Христовой, она должна сказать «новое слово» какъ носительница великихъ истинъ православія. «Съ востока принесется новое слово міру навстрѣчу грядущему соціализму». Но, вѣдь, святыню православія хранятъ и другіе народы: Греція, Румынія, Болгарія, Абиссинія. Но отдавать этимъ народамъ Константинополь было бы имъ «не по мѣркѣ», говоритъ Достоевскій. Только все славянство, возглавленное Россіей, должно имѣть отношеніе къ Константинополю, который будетъ нашимъ, русскимъ, по нравственнымъ мотивамъ, такъ какъ Россія — носительница православной правды.

Достоевскій не вѣритъ въ близость федеративнаго объединенія славянъ; федеративное владѣніе Константинополя невозможно потому, что «всѣ народцы перессорятся между собою въ Константинополѣ за вліяніе въ немъ и обладаніе имъ. Они не доросли до него, а Россія доросла» («Дневникъ писателя» за 1877 г.). И потому должна взять его въ свои руки, за свой счетъ и рискъ.

Для такого захвата, въ дни «Дневника» Достоевскаго, однако, оказалось недостаточнымъ сознанія православной святости. Потребовались бы еще войска въ противовѣсъ настроеніямъ Берлинскаго конгресса.

Съ другой стороны, «новое слово» православія, о которомъ мечталъ Достоевскій,—слишкомъ субъективное и индивидуальное понятіе въ міровоззрѣніи нашего писателя. Почему, въ самомъ дѣлѣ, противупоставлять соціализмъ—ученіе общественное—православію — ученію религіозному. Эти два явленія находятся въ разныхъ плоскостяхъ.

Н. Я. Данилевскій, исходя изъ положенія, что космополитическій Константинополь не имѣетъ права на самостоятельное существованіе, полагалъ, что онъ долженъ стать столицей всеславянской федераціи, во главѣ съ Россіей.

Но стоитъ только посмотрѣть на карту Австріи и Балканскаго полуострова, чтобы увидѣть чисто географическую невозможность всеславянской федераціи: славянство разрѣзано пополамъ австрійскими нѣмцами, венграми, румынами. Количество не славянъ въ одной Россіи такъ велико, что превышаетъ славянъ Балканскаго полуострова.

Всеславянская федерація—мечта! Современныя славянскія государства ни за что не откажутся отъ своей политической независимости. Едва ли и Россіи мыслимо было бы перенести свою столицу за тридесять земель. Ужъ болѣе практично пожеланіе Леонтьева, чтобы центръ Россіи былъ перенесенъ въ Кіевъ, а Петроградъ сталъ бы чѣмъ-то въ родѣ балтійскаго Севастополя... Но и мысль о всебалканскомъ союзѣ (Игнатьевъ и отчасти Леонтьевъ) уже потерпѣла два года назадъ въ своемъ осуществленіи полное крушеніе на нашихъ глазахъ. Федеративный союзъ въ наше время возможенъ только при такой властной гегемоніи, какую проявила Пруссія въ Германскомъ союзѣ. Брать на себя обязанности такой гегемоніи для Россіи было бы дѣломъ непосильнымъ, громоздкимъ, полнымъ самыхъ тяжелыхъ и опасныхъ неожиданностей. Да и много у насъ своего собственнаго дѣла. Еще въ 1912 году М. Циммерманъ (Босфоръ и Дарданеллы СПБ. 1912) утверждалъ, что появленіе и укрѣпленіе на Балканахъ молодыхъ славянскихъ государствъ заставляетъ насъ отказаться отъ Царьграда. А А. Н. Куропаткинъ въ своей книгѣ «Россія для русскихъ» доказываетъ, что, со стратегической точки зрѣнія, пріобрѣтеніе Константинополя и Дарданеллъ только ослабитъ наше положеніе и что поэтому намъ нужно только обладать Босфоромъ. Достаточно только укрѣпиться нѣсколькими батареями на обоихъ берегахъ Босфора, чтобы ключъ отъ Чернаго моря находился всегда въ нашихъ рукахъ.

III.

Приведенныя нами разнообразныя мнѣнія*) разныхъ авторитетныхъ и неавторитетныхъ писателей, обсуждавшихъ вопросы о проливахъ, показываютъ только, что вопросъ о проливахъ — сложный, трудный вопросъ, требующій для своего разрѣшенія учета весьма многихъ соображеній и данныхъ политическаго и военнаго характера. Многія соображенія уже потеряли свою цѣнность въ наши дни, многія сохраняютъ свою силу и теперь. Міровая война перемѣшала всѣ политическія карты. То, что было немыслимо наканунѣ войны,

*) Литература вопроса приведена въ довольно обстоятельно сдѣланномъ сборникѣ: „Россія, Царьградъ и проливы", подъ ред. Р. Стрѣльцова, Петроградъ, 1915.

можетъ оказаться вполнѣ реальнымъ теперь. Всѣ международныя отношенія измѣнились, а впереди возможны и еще большія измѣненія. Одно кажется намъ несомнѣннымъ: Константинополь можетъ достаться намъ только теперь или никогда. Такое завоеваніе явится для насъ, быть-можетъ, единственнымъ пріобрѣтеніемъ въ титанической войнѣ народовъ. Связывать съ проливами мечты о широкомъ и немедленномъ развитіи нашей торговли не слѣдуетъ. Но, конечно, наша торговля получитъ безпрепятственный выходъ въ море только тогда, когда въ нашихъ рукахъ будутъ проливы, а слѣдовательно, и Константинополь. Владѣніе укрѣпленіями только на одномъ Босфорѣ не совсѣмъ защититъ Черное море отъ форсированнаго вступленія въ него вражескаго флота и, слѣдовательно, не освободитъ насъ отъ громадныхъ тратъ на содержаніе Черноморскаго флота. Владѣніе Константинополемъ и проливами не чуждо многихъ безпокойствъ и непріятностей въ отношеніи балканскихъ народностей, но будетъ единственнымъ средствомъ закрѣпленія нашего вліянія на Балканахъ, благотворнаго для установленія равновѣсія интересовъ балканскихъ государствъ и народовъ, и навсегда помѣшаетъ Германіи и Австріи создать изъ Константинополя форпостъ германизма и твердыню враговъ Россіи. Ясно для насъ и то, что ни болгары, ни греки, ни румыны, ни турки не могутъ претендовать на владѣніе «жемчужиной» морей и проливами.

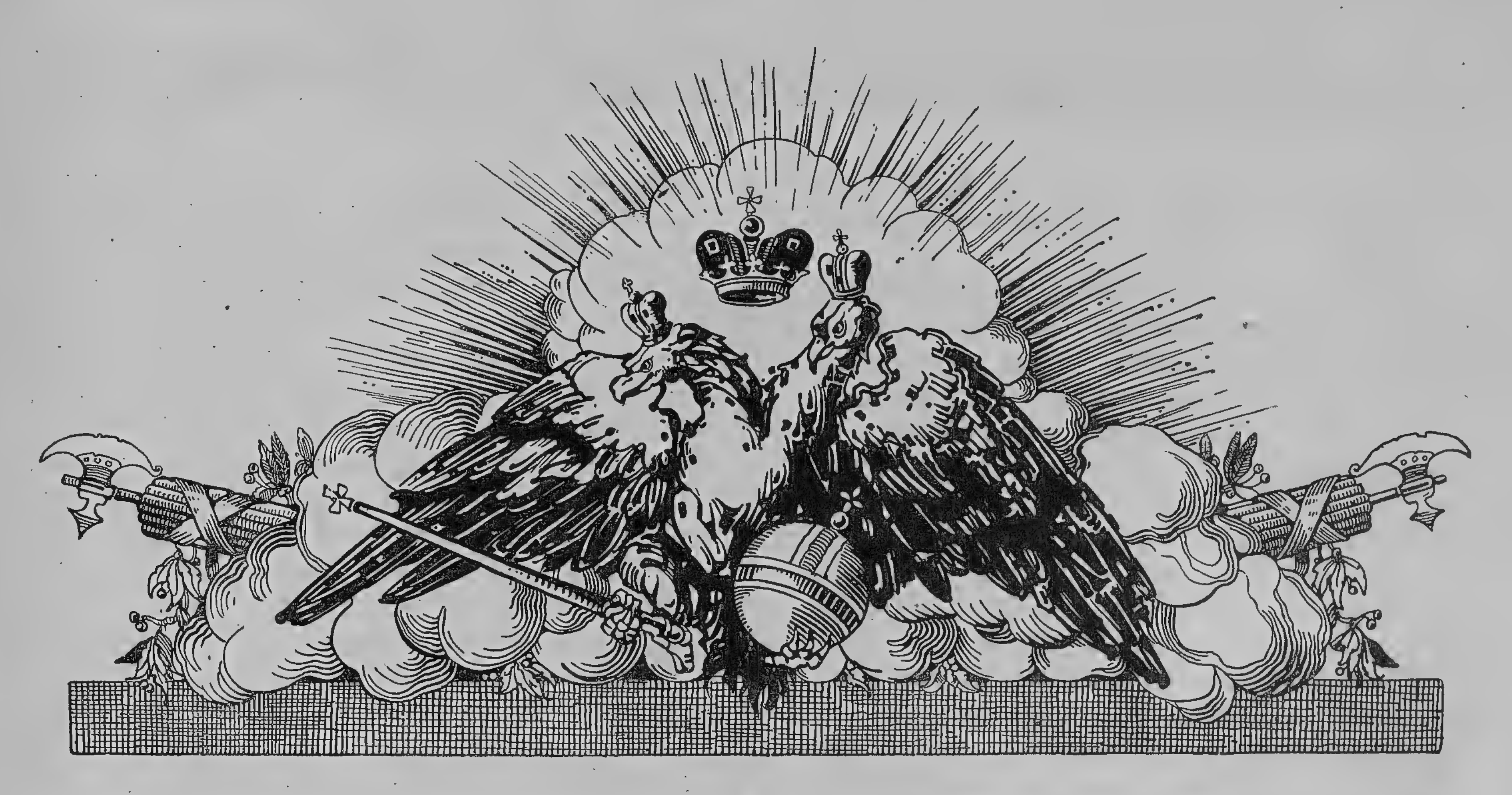
Не можетъ удержаться и космополитически вольный городъ Константинополь, который со своей пестротой національностей явился бы ареной интригъ національныхъ и политическихъ, биржой для мелкихъ торговыхъ гешефтовъ и притономъ для куртизанокъ всего свѣта. А если все это такъ—Константинополь долженъ стать просто русскимъ городомъ безъ претензій на положеніе столицы и пр., чѣмъ-нибудь въ родѣ второй Одессы или немного лучше ея. Проливы должны быть нашими и въ интересахъ свободной торговли, и въ стратегическомъ отношеніи для обезпеченія Чернаго моря отъ врага, и для свободнаго выхода нашихъ судовъ въ Средиземное море. Само собою разумѣется, что завладѣніе огромной полосой Малой Азіи до Александретты совершенно не обязательно для насъ; а съ другой стороны, Россія не можетъ возражать противъ созданія гарантій безпрепятственнаго пользованія свободой мореплаванія всѣхъ коммерческихъ судовъ міра по проливамъ и въ Черномъ морѣ. Суровая необходимость, соображенія строго практическаго характера, интересы государственной безопасности и пользы заставляютъ насъ, мирясь со многими предстоящими затрудненіями и даже осложненіями, употреблять всѣ наши силы, всю нашу энергію, весь нашъ дипломатическій опытъ, всю страсть народной души и народнаго воодушевленія для того, чтобы во что бы то ни стало добиться единственно необходимаго намъ результата нынѣшней войны,—полнаго укрѣпленія нашего на проливахъ и связаннаго съ нимъ владѣнія Константинополемъ.

Теперь или никогда...

Проф. К. И. Арабажин.

В. МАТЭ. — Портретъ гр. Орловой, по оригиналу В. Сѣрова.

У СЕРБСКАГО ПРЕСТОЛОНАСЛѢДНИКА.

Изъ воспоминаній Н. Брешко-Брешковскаго.

— Благословеніе Божіе, хвала и привѣтъ нашъ тебѣ, Александръ Македонскій, освободившій насъ...

Такъ встрѣтила двадцатилѣтняго престолонаслѣдника Александра депутація сербскаго духовенства, когда во главѣ 1-й арміи онъ вошелъ въ одинъ изъ взятыхъ имъ городовъ Македоніи.

Въ портретной галлереѣ знаменитыхъ современниковъ Александръ, престолонаслѣдникъ сербскій, — безспорно, одна изъ красивѣйшихъ фигуръ, — этотъ юный королевичъ, въ шесть недѣль завоевавшій всю Старую Сербію, часть Македоніи и Албаніи.

Славный отпрыскъ героической династіи Карагеоргіевичей, родился внѣ Сербіи. Принцъ Александръ воспитывался въ Петроградѣ, сначала въ училищѣ правовѣдѣнія, затѣмъ въ пажескомъ Его Величества корпусѣ.

Красивый мальчикъ съ большими глазами мечталъ о своей прекрасной далекой Сербіи... Уносился въ своихъ романтическихъ мечтахъ на берега Савы, Дуная и Дрины...

И вотъ — осуществились мечты.

Минувшія балканскія войны сдѣлали имя престолонаслѣдника Александра популярнымъ, не только въ боготворящей его арміи, но и въ народѣ.

Королевичъ — пылкій патріотъ, королевичъ — побѣдитель, королевичъ — отважный полководецъ, — все это создало вокругъ него атмосферу какого-то пылкаго обаянія.

Въ послѣдній его пріѣздъ въ Петроградъ

въ высшихъ сферахъ ему былъ оказанъ въ высшей степени радушный и ласковый пріемъ.

Вспоминая эту поѣздку, королевичъ загорается восторгомъ, и его большіе темные глаза сіяютъ... Онъ былъ обласканъ милостивымъ вниманіемъ и бесѣдой.

Сербскій королевичъ встрѣчался съ представителями всѣхъ европейскихъ династій... всѣхъ, за исключеніемъ Габсбургской... Наслѣдному принцу Сербіи часто приходилось гостить въ Римѣ: итальянская королева Елена приходится ему родной теткой...

Я выѣхалъ изъ Петрограда въ Бѣлградъ кружнымъ путемъ. Въ Бѣлградѣ успѣлъ побывать только у премьеръ-министра Пашича и поѣхалъ на курортъ Върыньячке-Баньe, гдѣ отдыхалъ и пилъ цѣлебную воду престолонаслѣдникъ Александръ.

Это — живописный уголокъ, мѣстоположеніемъ напоминающій Флоренцію. Климатъ такой же мягкій. Сама деревня разметалась въ уютной котловинѣ, а кругомъ — невысокія зеленыя горы. Воды этого курорта славятся и за предѣлами Сербіи.

Цѣлебный источникъ находится въ громадномъ паркѣ. Благоухаютъ цвѣтущіе каштаны и акаціи. Здѣсь же, въ сторонѣ на пригоркѣ, — обнесенная металлическимъ кружевомъ «Вилла Агнеса», занимаемая престолонаслѣдникомъ и его свитой.

Въ паркѣ я встрѣтилъ личнаго секретаря королевича, г-на Еленича. Съ нимъ я познакомился раньше въ Бѣлградѣ.

— Его высочество уже знаетъ о вашемъ желаніи представиться, — сказалъ г-нъ Еленичъ, — но сегодня онъ уѣхалъ на цѣлый день къ Моравѣ, гдѣ подъ его наблюденіемъ будутъ наводить понтонные мосты. Вернется наслѣдный принцъ поздно, а завтра у источника, утромъ, я васъ представлю.

Ночь я провелъ въ чистенькой, свѣже выбѣленной комнатѣ деревенскаго отеля. Разбуженный соловьинымъ пѣніемъ, къ восьми часамъ я былъ уже въ паркѣ. Офицеры свиты ожидали принца у источника. Селяки въ теплыхъ, нагольныхъ кожухахъ привели изъ ближнихъ деревень своихъ сыновей, жаждущихъ взглянуть на будущаго монарха Сербіи.

Вотъ придворный лакей со стаканомъ, завернутымъ въ салфетку. Принца ждутъ съ минуты на минуту. Я сидѣлъ на скамейкѣ подъ остро благоухающей въ утреннемъ солнечномъ воздухѣ акаціей.

Ровно въ восемь престолонаслѣдникъ быстро вышелъ изъ-за деревьевъ къ источнику, сопровождаемый адъютантомъ и г. Еленичемъ.

Отвѣчая на привѣтствія окружающихъ, королевичъ выпилъ изъ плоскаго стакана свою воду и началъ съ адъютантомъ прогулку.

Секретарь поспѣшилъ ко мнѣ.

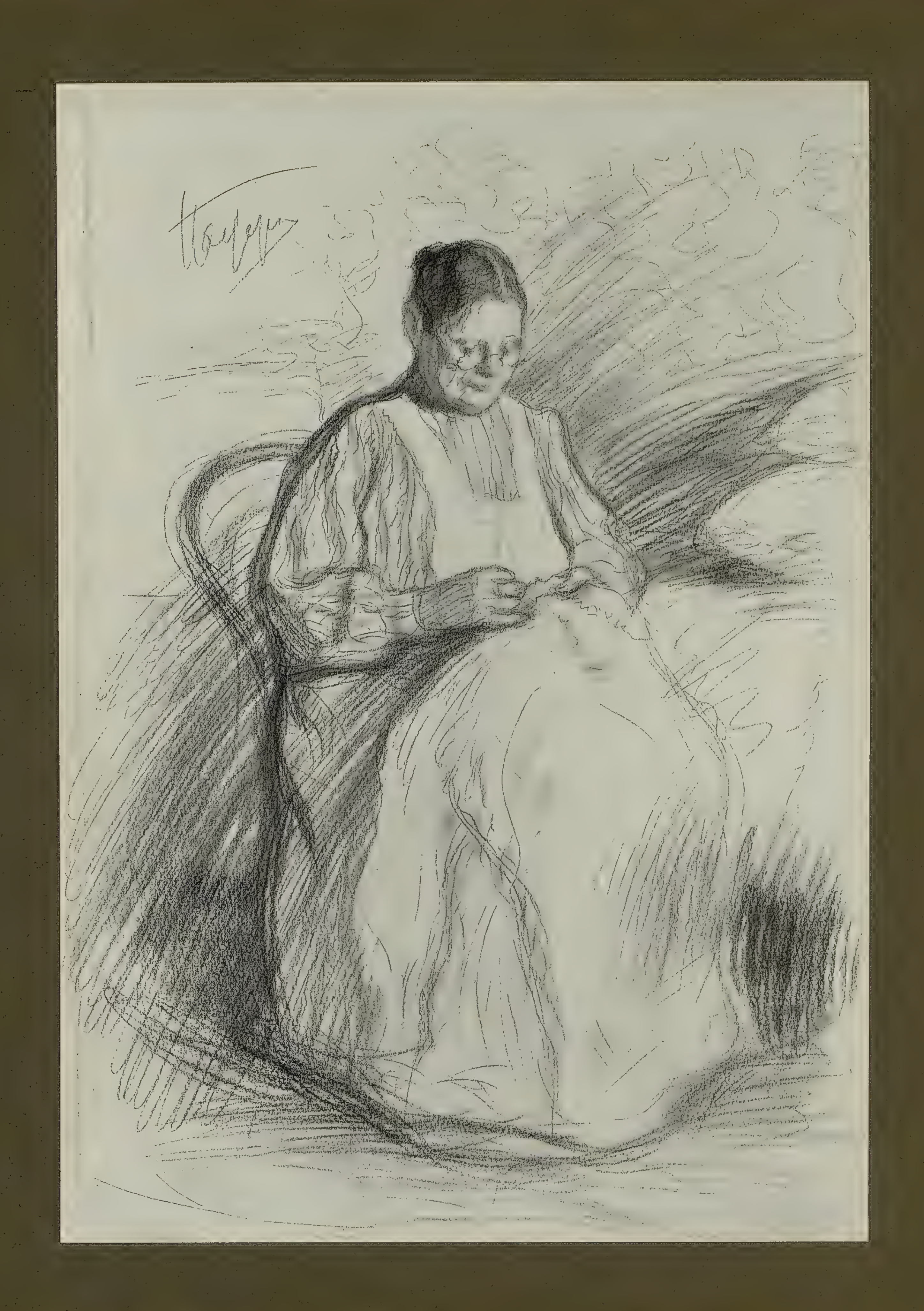
— Идемте...

Въ одной изъ боковыхъ тѣнистыхъ аллей произошла встрѣча. Королевичъ сразу, съ первыхъ же словъ, придалъ ей чуждый офиціальности, «курортный» характеръ.

Еще днемъ, королевичъ мчась по шоссе въ автомобилѣ, встрѣтилъ меня катающимся верхомъ въ окрестностяхъ курорта и теперь спросилъ:

— Вы не устали?

Л. О. ПАСТЕРНАКЪ. — Нянюшка.

— Ваше высочество, во время войны мнѣ приходилось по девяти часовъ не разставаться съ сѣдломъ.

Лакей-сербъ доложилъ, что поданъ обѣдъ.

Столовая, свѣтлая, уже залитая электричествомъ, занимаетъ весь небольшой флигель, рядомъ съ главнымъ корпусомъ виллы. Изъ гостей,—свита не въ счетъ,— все свои, близкіе,—приглашены къ обѣду еще одинъ армейскій полковникъ и герой Адріанополя, капитанъ Милорадъ Курандичъ.

Мое мѣсто рядомъ съ королевичемъ, по правую руку.

Блюда французской кухни быстро смѣняли другъ-друга. Сразу видно, что престолонаслѣдникъ сербскій не только не любитель вкусно поѣсть, но и не придаетъ ѣдѣ большого значенія.

Винъ было много, и все тонкія, изысканныя. Но высокій хозяинъ нашъ чуть пригубилъ немного пива и краснаго вина.

Королевичъ слишкомъ подвиженъ, кипучъ, нервенъ. Слишкомъ интересуется жизнью во всей ея многогранности, чтобы процессъ насыщенія обращать въ культъ. Завязался живой разговоръ.

Престолонаслѣдникъ внимательно слушалъ, время-отъ-времени вставляя мѣткія замѣчанія.

Высказанное мною при первой встрѣчѣ желаніе поговорить съ его высочествомъ отдѣльно, вдвоемъ, и снять его для французскаго ежемѣсячника „Je sais tout", командировавшаго меня на Балканы, наслѣдный королевичъ встрѣтилъ охотно.

— Отлично, завтра я буду ждать васъ въ одиннадцать утра. Тогда мы рѣшимъ и насчетъ фотографіи...

Наутро меня встрѣтилъ майоръ-адъютантъ въ орденахъ. Мы прошли въ его комнату. Черезъ пять минутъ звонокъ. Адъютантъ вышелъ и тотчасъ же вернулся:

— Пожалуйте, его высочество проситъ васъ...

У закрытой двери, ведущей въ рабочій кабинитъ престолонаслѣдника, придворный лакей мягкимъ и ловкимъ движеніемъ выхватилъ у меня перчатки и шляпу.

Королевичъ радушно приподнялся навстрѣчу изъ-за крохотнаго письменнаго стола, вѣрнѣе—исполнявшаго обязанности письменнаго. Все было здѣсь скромно и просто. Я занялъ предложенное мѣсто.

— Ну вотъ... что бы вамъ хотѣлось узнать? Право, я не умѣю говорить для корреспонденцій... Всегда можно обмолвиться чѣмъ-нибудь такимъ, что вовсе не для печати... Съ чего бы вамъ хотѣлось начать...

— Конечно, прежде всего съ военныхъ впечатлѣній вашего высочества?

— Да, но менѣе всего мнѣ хотѣлось бы говорить о себѣ...

...Мой предокъ Карагеоргій однимъ именемъ своимъ наводилъ панику на турокъ, а мой отецъ, его величество король Петръ, сражаясь въ рядахъ французской арміи противъ пруссаковъ, замѣтно отличившись, награжденъ былъ орденомъ почетнаго легіона... Храбрость и трусость, подобно тому, какъ умъ и глупость, благородство и низость, — качества — порою наслѣдственныя, чаще же — отъ Господа Бога...

Королевичъ разложилъ передо мною карту балканскаго полуострова.

— Я вамъ покажу путь прохожденія по македонскому театру моей 1-й арміи...

— Гдѣ вашимъ высочествомъ получено было первое боевое крещеніе?

— Подъ Буяновцевъ, а затѣмъ — Куманово.

Сербская армія обожаетъ своего престолонаслѣдника. Одинъ изъ секретовъ такого исключительнаго обаянія — въ необыкновенной отвагѣ королевича. Солдаты особенно цѣнятъ неустрашимость и презрѣніе къ опасности въ томъ, кто по своему высокому положенію можетъ находиться въ тылу, а межъ тѣмъ, все время на передовыхъ позиціяхъ. Приведу слова нашего посланника въ Бѣлградѣ, покойнаго Н. Г. Гартвига.

— Подъ Кумановомъ, когда турки засыпали сербскія позиціи ружейнымъ и шрапнельнымъ огнемъ и всѣ лежали въ окопахъ, престолонаслѣдникъ верхомъ объѣзжалъ фронтъ. Онъ первымъ вошелъ въ Куманово, обстрѣливаемый забаррикадировавшимися въ домахъ турками и албанцами. Я убѣждалъ Пашича, что наслѣдникъ престола не можетъ такъ рисковать своей жизнью...

Это сказалъ Н. Г. Гартвигъ. Самъ же королевичъ, вспомнивъ Куманово, умышленно оставилъ себя въ тѣни.

— Восьмидесятитысячная сербская армія должна была атаковать прочно утвердившуюся на выгодныхъ позиціяхъ стодвадцатитысячную армію турокъ. И не только атаковать, но и отбросить, не давая сконцентрироваться, что и было достигнуто. Послѣ этой побѣды его величество король черезъ меня поздравилъ армію. Вслѣдъ за Кумановомъ сербы по частямъ уничтожили осколки раздавленныхъ ими главныхъ турецкихъ силъ. Такъ мы подошли къ Ускюбу,—указываетъ королевичъ на картѣ, — стали на позиціяхъ, начинаемъ окапываться. Въ это время турки высылаютъ къ намъ изъ города парламентеровъ съ предложеніемъ сдачи. Въ первую минуту я имъ не повѣрилъ, имѣя основаніе предполагать какое-нибудь коварство. Это излюбленная тактика турокъ — обманывать фальшивымъ желаніемъ сдаться, а когда непріятель довѣрчиво подходитъ, его встрѣчаютъ предательскимъ огнемъ. Я велѣлъ продолжать работы. Тогда парламентеры предложили:

— А если иностранные консулы подтвердятъ самый фактъ сдачи?...

— Это совсѣмъ другое дѣло. Съ консулами и разговоръ будетъ иной.

— Я вызвалъ изъ тыла свой автомобиль и послалъ его за консулами. Пріѣхали — русскій, французскій, австрійскій. Первые два консула горячо поздравляли меня, сердечно радуясь успѣхамъ сербскаго оружія... Такъ мы заняли Ускюбъ, эту новую столицу новой Сербіи. Я люблю Ускюбъ. Онъ красивъ, живописенъ. Городъ съ большимъ будущимъ. Это—наша первопрестольница. Здѣсь была резиденція Дюшана Сильнаго. Я часто наѣзжаю въ Ускюбъ. Съ интересомъ слѣжу за его быстрымъ ростомъ... Здѣсь же, въ Ускюбѣ, я неоднократно получалъ цѣлыя груды анонимныхъ писемъ отъ болгарскихъ комитаджей... Какія-то эмблемы изъ череповъ и мертвыхъ костей—все это въ расчетѣ на дешевый эффектъ... И вездѣ красной нитью одно и то же требованіе: «Отдай Македонію болгарамъ. Въ противномъ случаѣ ты будешь убитъ». Странные люди! Странныя требованія... Словно я могъ отдать или не

отдать имъ Македонію... Македонію, залитую сербской кровью... И такъ — угрозы, угрозы безъ конца... Но чѣмъ больше запугивали меня мои анонимные корреспонденты, тѣмъ меньше я боялся... Вообще, рѣшительно отказываюсь понимать эти совершенно неосновательныя притязанія на то, что болгарамъ никогда не принадлежало...

Во всей арміи, начиная съ генераловъ и кончая послѣднимъ рядовымъ, съ самаго начала военныхъ дѣйствій, вкоренилось какое-то суевѣрное убѣжденіе, что тамъ, гдѣ находится королевичъ Александръ, тамъ сербовъ ждетъ успѣхъ и удача.

— На македонскомъ театрѣ война была въ полномъ разгарѣ, — вспоминаетъ престолонаслѣдникъ,—погода сырая, дождливая. И на позиціяхъ и въ палаткѣ, въ которой я ночевалъ подъ Прилѣпомъ, я простудился отъ октябрьскихъ холодовъ; простуда обострилась, и я, хочешь-нехочешь, долженъ былъ слечь. Ужасъ охватилъ меня! Но не отъ сознанія, что я серьезно захворалъ, а потому, что, прикованный къ палаткѣ, я не могъ быть впереди своей арміи, уже подвигавшейся на Монастырь... Подъ Монастыремъ предполагалось раздавить послѣдніе остатки великой турецкой арміи...

... А я какъ на-зло лежу пластомъ на своей походной кровати. Докторъ строжайше запретилъ вставать... О томъ, чтобы выйти изъ палатки, и думать нечего было... А межъ тѣмъ, я весь горѣлъ мучительнымъ желаніемъ очутиться скорѣй тамъ, подъ Монастыремъ, вмѣстѣ съ арміей. И, чѣмъ ярче сознавалъ всю важность этого боя, завершившаго македонскій походъ, тѣмъ непреодолимѣй хотѣлось спѣшить, спѣшить во что бы то ни стало. Докторъ же и слушать ничего не хотѣлъ... Это самый ужасный народъ на свѣтѣ — доктора! Кончилось тѣмъ, чѣмъ должно было кончиться. Глубокой ночью я тайкомъ уѣхалъ на автомобилѣ. И, слава Богу, поспѣлъ во-время... Въ смыслѣ прямо нечеловѣческихъ условій этотъ пятидневный бой, блестяще выигранный сербской арміей, былъ самый кошмарный! Два нашихъ полка сражались нѣсколько часовъ, стоя все время по горло въ холодной осенней водѣ. Даже совсѣмъ легко раненые падали, захлебываясь въ почернѣвшей отъ крови студеной мути...

Мы знаемъ отношеніе арміи къ своему королевичу. Это чувство вполнѣ взаимное. Военная мощь Сербіи и усиленіе этой мощи — вотъ чѣмъ поглощенъ былъ всецѣло престолонаслѣдникъ Александръ.

— Я далекъ отъ желанія видѣть нашу страну милитаристической, но, увы, мы съ нѣсколькихъ сторонъ граничимъ съ тѣми, кто менѣе всего настроенъ къ намъ дружелюбно. Поэтому спокойная культурно-созидательная работа внутри Сербіи возможна лишь при многочисленной, хорошо оборудованной арміи. О боевыхъ качествахъ сербскаго солдата распространяться не буду. Эти качества извѣстны Европѣ и вызвали искренніе восторги. Да не только въ Европѣ. На-дняхъ выѣхала изъ Бѣлграда для ознакомленія съ позиціями македонскаго театра прибывшая къ намъ военная японская миссія. Кто говоритъ: громадны расходы на армію, — но это, къ счастью, не ложится бременемъ на страну. Территорія наша почти удвоилась, и въ нашихъ рукахъ такія житницы, какъ Маке-

донія и бывшая старая Сербія. Безъ всякаго напряженія мы можемъ позволить себѣ роскошь многомилліоннаго артиллерійскаго заказа. Артиллерія наша—французская—чудесная! За четырнадцатимѣсячный періодъ балканскихъ войнъ артиллерія наша сумѣла безконечное количество разъ показать свое превосходство надъ германской артиллеріей противниковъ. Житницей, и какой урожайной, являются для насъ Македонія и старая Сербія и въ смыслѣ новыхъ солдатъ.—Какой великолѣпный матеріалъ—эти новые полки вардарцевъ!... Чудеса творить можно съ такой пѣхотой... Богатыри, да еще одухотворенные пламеннымъ патріотизмомъ... Полтысячи лѣтъ тосковали они по сербскимъ знаменамъ...

Слушаешь—и сколько вдохновенной, вѣрящей въ себя молодости, умудренной опытомъ. Сколько благородныхъ порывовъ и безконечной любви къ своей героической арміи и такому же героическому народу.

Но вдругъ омрачился весь королевичъ. Потемнѣли и безъ того бронзовыя, обвѣтренныя загаромъ моравскаго солнца—черты...

Коснулись болгаро-сербской распри. Глянулъ призракъ брегальницкаго разгрома...

— Какъ дивно-величава была идея славянскаго союза, и какъ жаль разбитыхъ иллюзій!—съ тоской вырвалось у наслѣднаго принца.—До самой послѣдней минуты не хотѣлось вѣрить... И когда мнѣ изъ Ускюба въ Бѣлградъ по телефону главная квартира сказала, что на Брегальницѣ болгарская армія атаковала мирно спящихъ въ своемъ лагерѣ сербовъ, я все еще продолжалъ сомнѣваться...

... И все время неотступная мысль: какъ же такъ... Нападеніе врасплохъ. Какое неравенство шансовъ... Но, слава Богу, доносятъ мнѣ, что сербы дерутся... Дерутся? Не отступаютъ? Значитъ, хорошо!... Значитъ, побѣда!...

Я наблюдалъ королевича. Его порывистыя движенія на первый взглядъ могутъ даже показаться угловатыми. Но это не угловатость. Это-безъ малаго двухлѣтняя привычка къ простору позицій, къ лагерной жизни. Королевичу тѣсно въ комнатѣ.

Вообще, ему тѣсно. Онъ еще расправитъ свои крылья...

Куря папиросу за папиросой,—все пустѣлъ портсигаръ съ брильянтовой короной,—принцъ Александръ перешелъ къ международной политикѣ и балканской—въ частности, обнаруживъ громадную освѣдомленность. Распутывая клубокъ албанскаго вопроса, наслѣдный принцъ сверкнулъ цѣлымъ каскадомъ яркихъ удачныхъ образовъ. Такъ же ярко искрились они въ пространной характеристикѣ сербо-австрійскихъ взаимоотношеній. Во взглядахъ и параллеляхъ не было и тѣни шаблона. Все самобытно, все тонко, все всесторонне продумано, все интересно...

Приблизительно въ такихъ же тонахъ описалъ я свою встрѣчу и бесѣду съ престолонаслѣдникомъ сербскимъ Александромъ въ іюльской книгѣ „Je sais tout“. Но полгода назадъ никто и не помышлялъ о такой скорой войнѣ: наружно отношенія Сербіи съ Австро-Венгріей были если и не добрососѣдскія, то, во всякомъ случаѣ, терпимыя, и я считалъ своимъ долгомъ

Сербскій королевичъ АЛЕКСАНДРЪ.

умолчать о взглядахъ, высказанныхъ королевичемъ на такой остро-наболѣвшій вопросъ, какъ отношенія лоскутной монархіи Габсбурговъ къ маленькой героической Сербіи, и наоборотъ.

Теперь же, когда всякія дипломатическія маски сдернуты и арміи враждующихъ странъ дерутся не на-жизнь, а на-смерть, — умѣстнымъ будетъ привести высказанное въ маѣ мнѣніе королевича.

— Австрія насъ терпѣть не можетъ. Скажу больше, чувствуетъ къ Сербіи прямо какую-то болѣзненную, удержу не знающую, ненависть. Въ Сербіи она видѣла и видитъ вѣчную угрозу спокойствію и миру въ ея южно-славянскихъ провинціяхъ. Уничтожить Сербію, стереть ее съ лица земли — завѣтная мечта австро-венгерскихъ политиковъ и политикановъ. Всякій ненавидящій пристрастенъ и несправедливъ. Несмотря на весь свой шпіонажъ въ Сербіи, Австрія не знала, вѣрнѣе—умышленно не хотѣла знать, закрывая глаза,—что въ маленькой Сербіи создалась сравнительно многочисленная и отлично вооруженная и обученная армія. Когда балканскій союзъ объявилъ войну Турціи, Австрія не сомнѣвалась въ разгромѣ сербовъ. И, уже втайнѣ ликуя, приготовилась выгребать горячіе каштаны услужливыми и турецкими руками. Но выгребать не пришлось. Сербія не только вышла побѣдительницей, но и окрѣпшей и увеличившейся почти вдвое. Австрія позеленѣла. Счастье было такъ возможно,—и вдругъ такое обидное разочарованіе! Ослѣпленная своей ненавистью къ намъ, она не сомнѣвалась въ превосходствѣ болгарской арміи и болгарскаго оружія надъ сербскими. И, вотъ, авантюристическая политика Вѣны и Будапешта всѣми силами направливаетъ болгаръ на Сербію. Болгарія, послушавшись «дружескихъ» совѣтовъ, попыталась напасть на Сербію. Эта вѣроломная попытка дорого обошлась нашимъ вчерашнимъ союзникамъ, съ которыми намъ отъ всей души хотѣлось жить въ добромъ согласіи. Новое разочарованіе для Австріи. Сербія не только не раздавлена и не унижена, а, наоборотъ, вышла побѣдительницей, и къ ней обращаются взоры угнетаемыхъ братьевъ въ венгерскихъ и босне-герцеговинскихъ земляхъ. Австрія рветъ и мечетъ отъ бѣшенства... И спѣшно инсценируетъ албанское возстаніе, посылая туда свое золото, свои «манлихеры», пулеметы и своихъ офицеровъ, братающихся съ арнаутскими разбойниками и болгарскими «добровольцами». Швабы торжествовали нашу погибель. Наконецъ-то выдвинули они стѣну, о которую сербы расшибутъ свой лобъ. Но, увы, третья неудача, третье разочарованіе! Желѣзной рукой усмирили мы албанцевъ. Даже туркамъ въ расцвѣтъ ихъ могущества не снилась никогда такая грозная карательная экспедиція въ самыя нѣдра непобѣдимой Албаніи.

Австрія притихла, лелѣя мечту на этотъ разъ уже собственными силами расправиться съ этой упрямой Сербіей. И весь народъ нашъ, начиная съ короля Петра и кончая послѣднимъ солдатомъ, не сомнѣвался, что, въ концѣ-концовъ, борьба, смертельная, жестокая грудь съ грудью,—неминуема. Слишкомъ много обидъ сложили въ сердцѣ своемъ сербы, несправедливыхъ и гнусныхъ обидъ отъ своей одряхлѣвшей, расползающейся по швамъ сосѣдки.

И свѣжей раной у каждаго серба, незаживающей раной была аннексія Босніи и Герцеговины. Австрія спитъ и видитъ, какъ бы напасть на Сербію. Ей нуженъ предлогъ, поводъ. И она создаетъ его, эта, никакими средствами не брезгующая, страна...

— Мы не хотимъ войны... Мы болѣе чѣмъ когда-нибудь жаждемъ отдыха и спокойной культурной работы. Но если Австро-Венгрія броситъ намъ вызовъ, мы его примемъ. И эта война будетъ войною исключительной популярности. Такой войны, глубоко народной, патріотической, еще не знала Сербія. Глубокіе старики, подростки и женщины возьмутся за оружіе. Какъ одинъ человѣкъ всколыхнется и встанетъ вся страна, съ тѣмъ, чтобъ или побѣдить, или разомъ вмѣстѣ погибнуть...

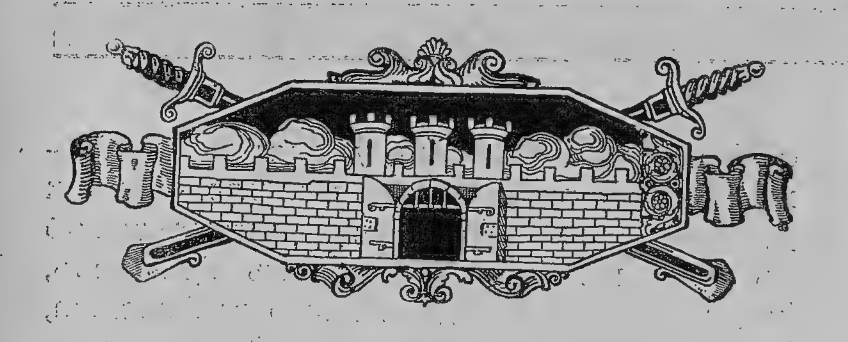
Слова престолонаслѣдника Александра оказались пророческими. Черезъ мѣсяцъ послѣ этой бесѣды разразилась катастрофа въ Сараевѣ. Былъ убитъ австрійскій эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Поводъ къ войнѣ,—поводъ, жадно изобрѣтавшійся Австріей и не только одной Австріей, но и Германіей,—вдругъ явился... А главное, австро-германская политика сама вдохновила и создала этотъ поводъ. Кончится война, улягутся, утихнутъ кровавыя страсти и всплыветъ наружу многое загадочное и темное въ этой исторіи. И узнаетъ міръ, чьей преступной рукой направлены были сараевскіе выстрѣлы. Узнаетъ, что не изъ Бѣлграда вышелъ заговоръ, вопреки клеветническимъ увѣреніямъ швабо-германцевъ, а изъ Берлина и Будапешта.

Ник. Брешко-Брешковскій

Н. П. ДУБОВСКОЙ. — Нищій.

Н. Дубовской

РОССІЯ и ЧЕРНОГОРІЯ.

Статья Кристо Аврамовича.

Свято охраняя и защищая интересы славянства, и на этотъ разъ, какъ и всегда, Черногорія исполнила свою святую обязанность и вступила въ великую борьбу бокъ-о-бокъ съ великой своей покровительницей Россіей, и, поэтому, не будетъ лишнимъ познакомить русское общество съ тѣми причинами, которыя обусловливали подобную преданность къ Россіи этого маленькаго героическаго народа.

Петръ Великій положилъ прочное основаніе могуществу Россіи и, предвидя неминуемую борьбу съ турками за обладаніе Чернымъ моремъ, рѣшился воспользоваться всѣми средствами, которыя могли бы содѣйствовать удачному исходу этой борьбы. Проницательный Государь связалъ наступательное движеніе Россіи на югъ съ освобожденіемъ отъ ига пришлыхъ завоевателей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ Балканскаго полуострова.

Движеніе, направленное къ выгодѣ и могуществу Россіи, въ то же самое время обѣщало наступленіе лучшей новой жизни много выстрадавши подъ турецкимъ игомъ славянскимъ народамъ, населяющимъ Балканскій полуостровъ. Завоевательныя войны стали вмѣстѣ съ тѣмъ и освободительными.

Въ это время житейская буря занесла нѣсколько герцеговинцевъ на далекій сѣверъ; они поступили въ ряды русской арміи, и первые показали, что на Балканскомъ полуостровѣ существуетъ независимая Черногорія. Съ тѣхъ поръ, т.-е. со времени прутскаго похода, самое могущественное и обширное славянское государство вступило въ союзъ съ оставшейся независимой горстью славянской земли на Балканскомъ полуостровѣ,—небольшой, но сильной національнымъ духомъ и истинно-спартанскимъ героизмомъ своихъ сыновъ, Черногоріей.

Вскорѣ Петромъ была послана грамота на имя черногорскаго митрополита и государя (духовная и свѣтская власть соединена была въ одномъ лицѣ) Черногоріи Даніила о необходимости возстать противъ турокъ.

Черногорія, какъ славянское государство, сохранившее свою независимость, была избрана посредницей между Россіей и другими славянскими племенами, населяющими Балканскій полуостровъ. Герцеговинцы, окружавшіе Петра, хорошо понимали значеніе Черногоріи для турецкихъ славянъ. Въ очень красивой формѣ эта мысль воплощена въ «Свободіадѣ». Султанъ Ахметъ восклицаетъ: «Нужно угасить эту искру, иначе она разгорится въ неугасимое пламя и опалитъ наши широко распущенныя крылья».

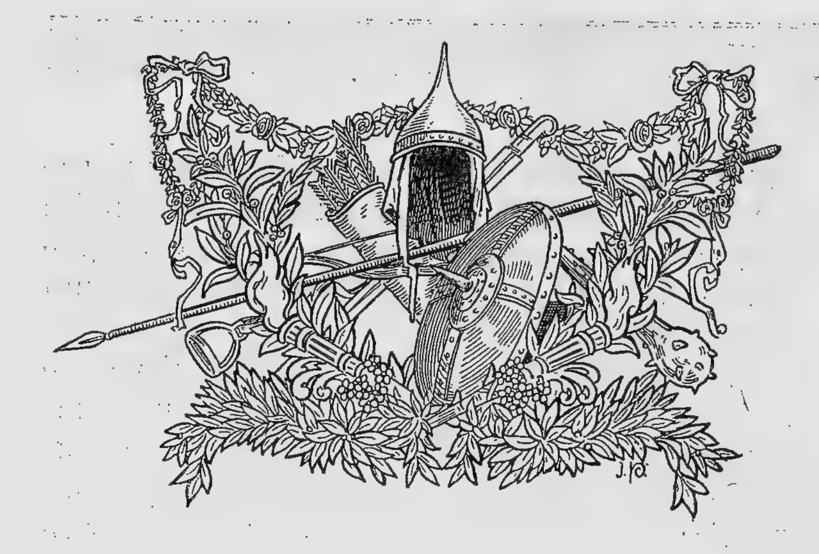
Съ тѣхъ поръ, какъ во время прутскаго похода, такъ и въ послѣднія войны Россіи съ Турціей, черногорцы оказывали немаловажную помощь тѣмъ, что отвлекали отъ участія въ борьбѣ значительныя силы сосѣднихъ турецкихъ провинцій, населеніе которыхъ отличалось воинственностью и, естественно, увеличило бы войска турокъ. Въ благодарность за

эту помощь Петръ Великій опредѣлилъ Черногоріи субсидію въ 500 червонцевъ, которая впослѣдствіи была повышена Императоромъ Павломъ до 1.000 червонцевъ и Императоромъ Николаемъ I—до 9.000 червонцевъ.

Для Черногоріи не столько важна была матеріальная поддержка, сколько нравственная, которую черпали черногорцы въ сознаніи, что отнынѣ они не одиноки въ борьбѣ со страшнымъ врагомъ. Съ момента вступленія въ дружественный союзъ съ Россіей Черногорія начала чувствовать себя столь сильной, что перестала бояться непріятельской силы; она считала себѣ непобѣдимой потому, что была убѣждена въ непобѣдимости своей покровительницы Россіи. Объ этомъ лучше всего говоритъ такой яркій случай: когда одного черногорца спросилъ австрійскій офицеръ «сколько у васъ войска?»— на это черногорецъ отвѣтилъ: «насъ и русскихъ 150 милліоновъ». И, вотъ, въ союзѣ съ этими милліонами своихъ братьевъ, когда рѣшается судьба всего славянства, Черногорія, вѣрная своимъ завѣтамъ, геройчески сражается за великое будущее славянъ. Такую отчаянную борьбу, чтобы сохранить свою независимость, ведетъ она уже шесть вѣковъ. И кровь, пролитая за общее дѣло вмѣстѣ съ русскими, начиная отъ Петра Великаго до настоящаго времени, такъ спаяла ихъ души и сердца, что никакая сила не разъединитъ ихъ и въ будущемъ.

Христо Аврамовичъ.

ЛОВЧЕНЪ НАКАЗЫВАЕТЪ.

Изъ воспоминаній черногорца К. А.

У подножія горделиваго Ловчена находится Которская бухта съ древнимъ городомъ Которъ (Каттаро). Омывая свое подножіе въ голубыхъ волнахъ лазурнаго Адріатическаго моря и отражаясь въ немъ, какъ въ зеркалѣ, любуется Ловченъ своимъ величіемъ и красотой.

Которская бухта одна изъ красивѣйшихъ въ мірѣ! Природа наградила этотъ край неописуемой красотой.

Полтора часа нужно лавировать между берегами, то неприступно скалистыми, то поросшими великолѣпной флорой, для достиженія «Острой Понты» (укрѣпленный мысъ у выхода въ море).

Самый городъ Каттаро съ узкими улицами, похожій по устройству на венеціанскіе города, пріютился въ объятіяхъ великана Ловчена и нашелъ у него самый радушный пріемъ.

Если Каттаро еще не возвращенъ, то это вопросъ непродолжительнаго времени. И часъ возвращенія настанетъ тогда, когда великая Россія со своими союзниками строго накажутъ дерзкихъ тевтоновъ и австрійцевъ.

Любовь Ловчена къ этому краю понятна. Когда-то бездушная дипломатія два раза ампутировала эту часть Ловчена до города Рагузы и въ послѣдній разъ передала ее коварной Австріи. Рана была глубока и страданія невыносимы, пока Провидѣнію не было угодно дать надежду на скорое излѣченіе. Но преступленіямъ этого кровожаднаго звѣря, непрерывно посягающаго на чужую свободу и имущество, наступилъ страшный судъ. Обрушился гнѣвъ Всевышняго, и въ этомъ наказаніи среди другихъ богатырей суждено и Ловчену исполнить роль палача.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Россія послала Черногоріи извѣстное количество артиллеріи, которая была сейчасъ же поставлена на ловченскую позицію «Кукъ». Съ этого момента уменьшилось стратегическое значеніе австрійской крѣпости.

Обладай Австрія Ловченомъ, тогда бы эта крѣпость была одна изъ сильнѣйшихъ въ мірѣ, ибо не только искусственныя сооруженія, а самая природа дѣлаетъ ее неприступной, — и поэтому неудивительно, что Австрія всѣми силами старалась пріобрѣсти гору Ловченъ. Тутъ была пущена вся дипломатическая мудрость и хитрость, не щадились милліоны, — но все было съ презрѣніемъ отвергнуто.

Ловченъ является теперь не только защитникомъ столицы, но также и всей центральной мѣстности старой Черногоріи. Исторія не знаетъ, чтобы какая-нибудь вершина играла такую историческую роль для своего народа, какъ Ловченъ для южнаго славянства. Послѣ рокового исхода сраженія на Коссовомъ полѣ въ 1389 году, преслѣдуемая варварами, въ немъ нашла свое убѣжище сербская корона, которая и до нашего времени осталась нетронутой. Она съ Ловчена такъ ярко блистала, что

непрерывно освѣщала историческій путь тѣмъ изъ южныхъ славянъ, которые стремились къ свободѣ.

Грянуло утро великой борьбы, наступилъ часъ расплаты—и Ловченъ взялъ на себя исполнить историческую миссію. Послѣ объявленія войны дана была диспозиція артиллеріи, находящейся на ловченской позиціи Кукъ ,бомбардировать которскіе форты. Только-что заря разсѣяла ночь, какъ началась ожесточенная канонада съ обѣихъ сторонъ. Думаю, что ни природа, ни условія расположенія позиціи въ этой великой борьбѣ не могли бы дать болѣе величественной картины и такого рѣдкаго зрѣлища, чѣмъ ловченское артиллерійское сраженіе. Временами казалось, что прахъ, покоящійся на самой вершинѣ Ловчена одного изъ первыхъ корифеевъ сербской литературы, поэта, бывшаго государемъ и владыкой Черногоріи, Петра Петровича Нѣгоша, унаслѣдовалъ власть Зевса и съ Ловчена, какъ съ Олимпа, всѣ свои молніи бросалъ на исконнаго врага. Орудійный гулъ — гранатныя и шрапнельныя разрывы, отъ которыхъ образовывалось по нѣсколько разъ эхо, были настолько ужасны и оглушительны, что совершенно заглушали стоны и мученія раненыхъ.

Настолько мѣтко былъ сконцентрированъ артиллерійскій огонь по фортамъ и такъ разрушающе было его дѣйствіе, что казалось—Везувій раскрылъ свою зловѣщую пасть и началъ извергать смерть всему окружающему.

Много бросалось гранатъ по вершинамъ Ловчена, но безрезультатно, — всѣ онѣ разбивались объ его богатырскую грудь, не причиняя никакого вреда. Такая артиллерійская борьба длилась три дня, пока форты «Врнацъ», «Горажда», малый «Тарабонъ» и «Марковъ» не были совершенно уничтожены.

Старикъ - король, по обыкновенію привыкшій переносить всѣ трудности и лишенія своего народа, тоже находился на позиціи и, молодѣя отъ радости побѣдъ, съ отцовской любовью благодарилъ своихъ героевъ за ту славу, которую они всегда приносили ему и своему отечеству.

Во время этого сраженія надъ ловченскими позиціями рѣялъ австрійскій аэропланъ, который былъ свидѣтелемъ, какъ гордый Ловченъ наказываетъ своихъ враговъ.

К. А.

СЕРБСКІЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Вл. Гиляровскаго.

Изъ участниковъ войны Сербо-Турецкой я знакомъ былъ съ М. Г. Черняевымъ, И. М. Булацелемъ, М. А. Хлудовымъ, актеромъ Львовымъ-Сусанинымъ, полковникомъ Е. В. Поляковымъ и унт.-оф. Михайловымъ. Съ М. Г. Черняевымъ меня познакомилъ коренной москвичъ М. А. Хлудовъ, извѣстный своими чудачествами.

Хлудовъ, сынъ извѣстнаго библіофила и крупнаго московскаго фабриканта, былъ то, что называется «удалъ-добрый молодецъ». Ему скучно показалось въ Москвѣ въ огромномъ отцовскомъ дѣлѣ, неспокойная натура требовала подвиговъ, и онъ бросился въ Среднюю Азію, къ герою М. Г. Черняеву, какъ разъ въ то время, когда М. Г. только-что взялъ штурмомъ твердыню Чикмента и двигался къ Ташкенту.

Прибывъ къ Черняеву, онъ участвовалъ въ набѣгахъ, охотился за тиграми и даже приручилъ молодого тигра, который слушался его и бѣгалъ за нимъ, какъ собака, даже тогда, когда достигъ огромной величины. Войска дивились на «вольнаго съ тигрою» и любили его за удаль и за то, что онъ, тратя огромныя деньги, угощалъ солдатъ и помогалъ всякому, кто къ нему обращался.

Насталъ іюль 1865 года. Черняевъ продвинулся къ Ташкенту и въ ночь на 15-е іюля штурмовалъ городъ. На одномъ изъ главныхъ фортовъ штурмующая колонна дрогнула, но вдругъ въ этотъ самый моментъ появился впереди штурмовавшихъ Хлудовъ въ своей неизмѣнной красной рубахѣ и вмѣстѣ съ разъяреннымъ тигромъ бросился на защитниковъ форта.

Появленіе тигра произвело переполохъ въ рядахъ туземцевъ, наши воспользовались моментомъ, выбили враговъ штыками изъ укрѣпленій и заняли фортъ.

Когда явился на фортъ Черняевъ, то нашелъ Хлудова спавшимъ на землѣ рядомъ со своимъ тигромъ. Генералу разсказали про подвигъ «вольнаго», взявшаго съ «тиг-

рой» укрѣпленіе, и Черняевъ Хлудову, которраго не могъ разбудить, сонному повѣсилъ солдатскаго Георгія на его красную рубаху.

Такъ разсказывали о Хлудовѣ участники этого штурма.

Дружба Хлудова и Черняева продолжалась.

Когда Черняевъ уѣхалъ въ Сербію и принялъ командованіе надъ арміей, Хлудовъ былъ въ Москвѣ.

Въ одинъ прекрасный день Хлудовъ закатилъ обѣдъ друзьямъ, въ концѣ обѣда вышелъ, вернулся одѣтый и вооруженный съ ногъ до головы и заявилъ.

— Ѣду къ Мишѣ въ Сербію турка бить!

У подъѣзда стояла лихая тройка и звонила колокольчикомъ.

Сначала ему не повѣрили:

— На тройкѣ, въ Сербію!

Но Хлудовъ попрощался съ гостями, вышелъ—и тройка помчалась со двора.

Доѣхавъ до какой-то станціи, Хлудовъ сѣлъ въ вагонъ, и скоро появилось извѣстіе, что Хлудовъ въ Сербіи и даже командовалъ горстью охотниковъ при ночной вылазкѣ подъ Делиградомъ.

Одинъ изъ сербскихъ героевъ, саперный офицеръ и нынѣ здравствующій извѣстный драматическій писатель и петроградскій журналистъ, И. М. Булацель такъ мнѣ разсказывалъ о своей встрѣчѣ съ Хлудовымъ въ Сербіи:

— Пріѣзжаю съ передовыхъ позицій къ Черняеву въ Делиградъ. Меня ведутъ къ палаткѣ главнокомандующаго. Изъ палатки выходитъ изрядно выпившій здоровеннѣйшій мужчина съ солдатскимъ Георгіемъ. Въ рукахъ у него бутылка съ ромомъ и чайный стаканъ.

— Ты къ Мишѣ? Къ Черняеву?—спрашиваетъ.

Отвѣчаю утвердительно.

— Ну такъ это все равно, что ко мнѣ! я тоже Миша — только Хлудовъ. А ты ромъ пьешь?

Онъ налилъ мнѣ стаканъ и поднесъ. Я отказался.

— Такъ не пьешь?

— Не пью!

— И значитъ, ты есть дуракъ и ничего больше!

Я еще не успѣлъ обидѣться, какъ изъ палатки вышелъ Черняевъ и строго крикнулъ:

— Мишка, пошелъ спать!

— Слушаю - съ, ваше превосходительство!—вытянулся въ струнку Хлудовъ и, отсалютовавъ пустымъ стаканомъ, ушелъ въ палатку.

И. М. Булацель пробылъ всю кампанію, былъ начальникомъ штаба одного изъ отрядовъ и получилъ высшія боевыя награды.

М. Г. Черняевъ слишкомъ извѣстенъ, и мои воспоминанія не дадутъ ни одного характернаго штриха къ личности этого боевого героя и умнаго администратора, которому еще тогда досталось, какъ и многимъ выдающимся русскимъ, отъ всесильныхъ нѣмцевъ, занимавшихъ верхнюю полку военныхъ и гражданскихъ сферъ во всѣхъ министерствахъ.

Вспоминается еще москвичъ - добровалецъ Михайловъ, курьеръ при храмѣ Христа Спасителя, бывшій гренадеръ-екатеринославецъ, сибирякъ по рожденію, еще

Г. К. ЛУКОМСКІЙ. — Львовъ — часовня «Боймовъ».

ЛЬВОВЪ ЧАСОВНЯ БОИМОВЪ

въ юности своей бравшій на рогатину десятка три медвѣдей.

Двинулись изъ Москвы добровольцы, и въ первую голову уѣхалъ Михайловъ. Въ августѣ онъ былъ уже подъ Делиградомъ въ батальонѣ королевы Наталіи, состоявшемъ изъ русскихъ и черногорцевъ. Михайловъ получилъ медаль «Такова» за слѣдующее дѣло: «Отрядомъ командовалъ полковникъ Межениковъ. Подъ селомъ Шлеговацъ завязался бой. Мы находились въ 400 шаговъ отъ турецкихъ окоповъ, а какъ-разъ на серединѣ лежалъ срубленный огромный дубъ. Я и двое черногорцевъ бросились къ дубу — и началась пальба по насъ. Турки едва высовывали голову — мы ихъ били навѣрняка. Наконецъ, изъ кустовъ лѣзутъ на насъ, лѣзутъ турки. Черногорцевъ убили — я одинъ. Первыхъ четверыхъ, показавшихся въ кустахъ, я застрѣлилъ. Потомъ еще четверо и думали, должно-быть, взять меня живымъ. Двумя выстрѣлами изъ револьвера и штыкомъ я отдѣлался отъ нихъ, и въ это время показался полковникъ Хорватъ съ отрядомъ. Турокъ прогнали». Такъ разсказывалъ Михайловъ о своемъ подвигѣ, продолжая послѣ войны свою службу при храмѣ Христа Спасителя. Онъ всегда носилъ форму сербскаго унтеръ-офицера и медаль за храбрость, которой очень гордился.

Одинъ изъ героевъ-черняевцевъ, участникъ сербской войны, полковникъ Е. В. Поляковъ живетъ въ настоящее время въ Москвѣ и занимаетъ видную должность.

Это — мой старый пріятель, бывшій офицеръ Донского казачьяго войска, въ дни юности — лихой джигитъ, а въ дѣтствѣ — герой сербской войны. О послѣднемъ я узналъ только на-дняхъ, несмотря на многолѣтнее наше знакомство.

Какъ-то сидя у него въ кабинетѣ, я увидѣлъ, въ числѣ бездѣлушекъ на письменномъ столѣ, сербскую медаль ордена «Такова», съ надписью «За храбрость».

— Это откуда у тебя, Евменій Вячеславовичъ?

— Моя, заработалъ подъ Дюнишемъ. Вотъ и дипломъ на нее.

Онъ вынулъ изъ ящика старый пожелтѣвшій дипломъ, удостовѣряющій, что мой собесѣдникъ получилъ эту медаль отъ Милана за храбрость, оказанную имъ въ бояхъ съ турками въ 1876 году.

— Почему же ты ее не носишь?

— Да такъ... Начальству надо рапортъ подавать... Вотъ еще, скажутъ, надумалъ черезъ 40 лѣтъ... А у меня и такъ ордена есть!

— Да вѣдь это орденъ за храбрость, все равно, что нашъ Георгіевскій крестъ! Обязательно подай рапортъ и носи! Теперь это своевременно и почетно.

— Нѣтъ ужъ... Дѣло старое... Мальчишкой еще я ее получилъ... Тогда гордился, а теперь... Все прошло это!

Бесѣдуя за стаканомъ чая, я уговорилъ моего друга разсказать мнѣ объ его участіи въ сербской войнѣ.

— Учился я тогда въ нижнечирской прогимназіи, а отецъ служилъ въ полку въ Житомірѣ. Поѣхалъ я къ нему въ гости, а тутъ объявили войну, и я сказалъ отцу, что хочу итти добровольцемъ. Отецъ благословилъ меня и отпустилъ, да еще пожалѣлъ, что самъ не можетъ итти, поза-

видовалъ мнѣ. Пристроился я къ партіи добровольцевъ. Добрались до Дуная, тамъ до Турна-Северина пароходомъ, Оршову пѣшкомъ обошли. По выѣздѣ изъ Россіи меня приняли въ офицерскій вагонъ и очень хорошо со мной обходились,—мнѣ было 14 лѣтъ, я былъ ловкій и веселый. Въ памяти у меня до сихъ поръ осталась таинственная личность, которую ни я и никто такъ и не разгадалъ. Это былъ изящный, одѣтый въ шикарный статскій костюмъ господинъ, блондинъ, съ пушистыми свѣтло-русыми баками. Онъ обратилъ на меня вниманіе и спросилъ:

— Кто вы, молодой человѣкъ?

Я сказалъ.

— Казакъ? Молодецъ! Вотъ вамъ моя карточка. Когда пріѣдемъ въ Бѣлградъ, заходите по этому адресу.

Онъ сѣлъ, надо замѣтить, въ Унгенахъ, и никого знакомыхъ въ вагонѣ у него не было, держалъ себя очень просто, но былъ такъ величественъ, что къ нему сразу всѣ почувствовали уваженіе. Дорогой онъ меня кормилъ и далъ денегъ на расходы.

Дорогой я посмотрѣлъ карточку, и на ней былъ только написанъ карандашомъ бѣлградскій адресъ гостиницы,— какой, не помню,— около княжескаго дворца. Я и полюбопытствовалъ у моего спутника, какъ его спросить въ гостиницѣ.

— Я — мирный человѣкъ. Такъ и спросите «мирнаго человѣка».

Въ Бѣлградѣ насъ погнали въ казарму, и одѣли въ форму и дали оружіе.

На другой день я отправился къ моему спутнику въ гостиницу и спросилъ «мирнаго человѣка». Меня провели въ лучшій номеръ, съ большимъ почетомъ; видно, что квартирантъ — высокая особа. Вхожу, — а у него разложенъ чемоданъ и большой ящикъ, а въ нихъ складъ револьверовъ и сабель. Я удивился и говорю:

— Какъ же вы сказали, что вы мирный человѣкъ, а у васъ столько оружія.

Смѣется и молчитъ. А потомъ закрылъ чемоданъ и говоритъ:

— Пойдемъ обѣдать!

Пошли внизъ, пообѣдали. Всѣ передъ нимъ кланяются. Онъ меня разспрашиваетъ, умѣю ли я ѣздить и стрѣлять. Я сказалъ, что съ дѣтства все это умѣю. Послѣ обѣда, при прощанѣ, онъ велѣлъ мнѣ итти въ казарму и сказалъ, что завтра придетъ въ казарму самъ въ 9-ть часовъ утра. На другой день явился утромъ въ казарму начальникъ нашего коннаго отряда кн. Оболенскій и съ нимъ «мирный человѣкъ». Послѣдній увидалъ меня, вызвалъ изъ строя и отрекомендовалъ князю Оболенскому. Тотъ далъ мнѣ коня, саблю и винтовку Маузера и назначилъ своимъ ординарцемъ, а «мирный человѣкъ» распрощался и ушелъ.

Намъ сдѣлали пробу, я отличился въ джигитовкѣ, чѣмъ привелъ въ восторгъ сербовъ. На третій день мы выступили въ походъ, въ Алексинацъ. Кн. Оболенскій держалъ себя очень важно, и его слушали всѣ. Вскорѣ нашъ отрядъ соединился съ отрядомъ Медвѣдовскаго, — тамъ были казаки; былъ еще казачій отрядъ подъ командой нашего генерала Маноцкова. Я перешелъ къ нему. Тутъ мнѣ дали казачка, сѣдло и великолѣпнаго породистаго калмыка. Весь отрядъ принялъ въ командованіе Маноцковъ. Подъ Делиградомъ насъ смотрѣлъ М. Г. Черняевъ. Въ октябрѣ насъ

Н. С. САМОКИШЪ. — Переправа драгунъ.

Н. САМОКИШЪ

немного побили подъ Банями. Шли ночью гуськомъ черезъ горы. Съ нами были черногорцы, двое, тоже верхами. Холодно, снѣгъ. Сдѣлали привалъ. Потомъ тревога... Я и отсталъ, подпруги ослабли, сѣдло потерялъ, — такъ, охлюпью, и догналъ отрядъ ужъ на бивакѣ, подъ утро. Жаль сѣдла, вернулся, нашелъ и только вечеромъ догналъ отрядъ, какъ-разъ во время перестрѣлки. Съ этого дня и начались дѣла. Дрались много, дѣлали лихіе налеты на турокъ. Потомъ кампанія окончилась, я получилъ медаль и вернулся на Донъ.

— А кто же этотъ «мирный человѣкъ»? — спросилъ я.

Мой собесѣдникъ задумался.

— А знаешь что? Ну, до сихъ поръ меня интересуетъ эта таинственная личность. Послѣ того раза, въ казармахъ, я больше его не видалъ, и кого ни разспрашивалъ — никто ничего не отвѣтилъ! Зналъ его только князь Оболенскій, да развѣ къ нему пойдешь? А только герой былъ этотъ «мирный человѣкъ», и куда онъ исчезъ — никто не знаетъ!..

— И послѣ не встрѣчалъ его?

— Никогда. Только, когда увидалъ я ужъ черезъ много лѣтъ послѣ войны, портретъ М. Д. Скобелева въ краскахъ, такъ подумалъ: ужъ не онъ ли? Только, конечно, это дѣло не подходящее. А похожъ, очень похожъ: и глаза его, и баки также... Только, думаю, не онъ.

Загадочная личность!...

Не могу еще не припомнить интересный типъ добровольца, одного изъ друзей моей юности Николая Федоровича Львова-Сусанина, провинціальнаго актера. Кое-кто изъ старыхъ актеровъ, навѣрное, помнитъ «Львова-Дитю». Онъ въ тѣ времена постомъ бывалъ иногда въ Москвѣ, въ артистическомъ кружкѣ и въ Щербакахъ, актерской биржѣ того времени, и пользовался общей любовью и всегда радостными встрѣчами.

Это былъ пропорціонально сложенный мужчина въ сажень (безъ 1 вершка) роста, необычайной силы и кротости и говорившій тихимъ, тонкимъ голосомъ.

Когда онъ появлялся въ толпѣ, то его голова и плечи возвышались надо всѣми, а бритое, розовое лицо съ младенческимъ выраженіемъ ласково улыбалось.

— Дитю! Дитю!—раздовалось въ кружкѣ, и всѣ наперерывъ шли къ нему, ожидая всегда новаго разсказа.

— Ты откуда?

— Сейчасъ верхомъ съ Кавказа пріѣхалъ.

— На слонѣ?

— Нѣтъ, на великолѣпной кабардинкѣ... Посмотрите, у театра стоитъ?

Это было въ Тамбовѣ въ 1885 году.

Выходимъ, — дѣйствительно, стоитъ у воротъ могучая рослая кабардинка, нагруженная переметными сумами. У сѣдла проморочена бурка. Около лошади сидитъ мохнатая овчарка.

— Прямо изъ Дагестана... Хорошо заработалъ.

— Игралъ? Гдѣ же? Въ аулахъ?

— У кунаковъ былъ... Заработалъ и лошадь и это все... А вотъ и это.

И вынулъ изъ кармана кожаный мѣшокъ съ золотыми монетами. Много было турецкихъ. Въ тотъ же день золото было раздарено актерамъ и друзьямъ.

Уже много спустя, пріѣхавшій съ Кавказа разсказывалъ, что «Дитю» въ горахъ, будучи на охотѣ, напалъ на разбойниковъ, ограбившихъ караванъ, и отнялъ у нихъ часть добычи. Будучи навеселѣ, въ дружеской бесѣдѣ онъ мнѣ самъ сознался.

— Сидятъ у пещеры четыре дурака, золото и матеріи дѣлятъ. Я подошелъ къ нимъ, да какъ крикну — они, дураки, испугались... Потомъ приняли меня въ компанію — и подѣлились. Одинъ изъ нихъ мой старый кунакъ былъ.

Звали же его «Дитю» за слѣдующее:

Въ Тамбовѣ шла оперетка «Синяя Борода». Во второмъ актѣ, когда изъ шапки вынимаютъ жребій, обыкновенно вызывается для этого ребенокъ.

— Пусть дитя своей рукой выметъ!

— Дитя! Дитю! заговорилъ народъ.

И вдругъ надъ толпой выросъ одѣтый bebé Львовъ-Сусанинъ со своимъ младенческимъ выраженіемъ и протянулъ къ шапкѣ съ билетами ручищу, которой онъ закрывалъ свободно тарелку.

Съ тѣхъ поръ и прозвали его «Дитю».

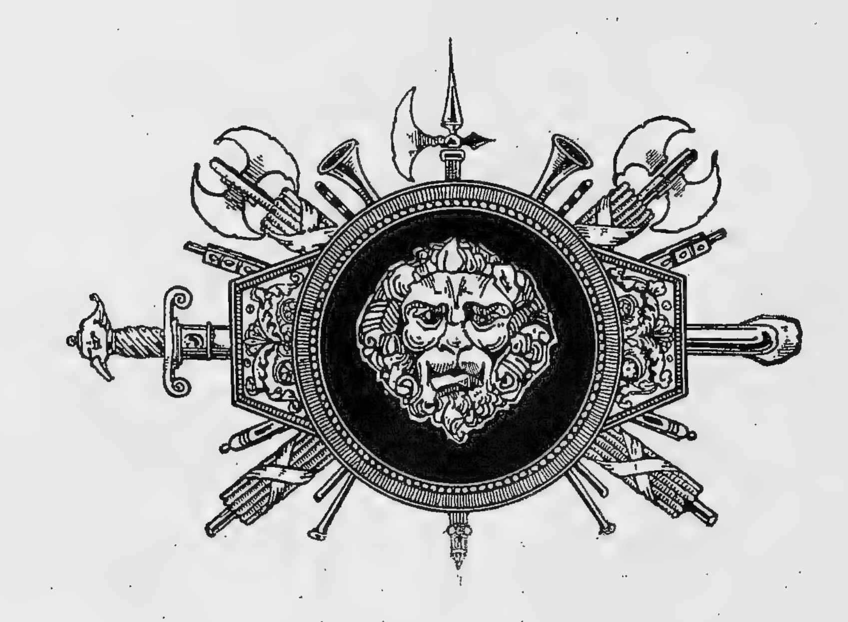
И, вотъ, съ первой же добровольческой партіей очутился онъ въ Сербіи. «Дитю» былъ въ знаменитой дружинѣ полковника Хорвата однимъ изъ выдающихся храбрецовъ и участвовалъ во взрывѣ моста подъ Дюнишемъ, гдѣ ему прострѣлили ногу.

Его наградили медалью за храбрость, а потомъ выслали за скандалъ изъ Сербіи. «Дитю» верхомъ въѣхалъ въ конакъ, гдѣ пировалъ самъ Миланъ со своимъ штабомъ.

И всѣ эти люди съ честнымъ порывомъ, съ чистой душой шли войной за освобожденіе братьевъ-славянъ.

(подпись)

СОДЕРЖАНІЕ.

РИСУНКИ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Цѣна **2** руб. **50** коп.

